

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

НОВЫЕ РУБЕ

Ж И

ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ

Широкими, неохватными просторами раскинулась покоренная советскими людьми казахстанская целина, где еще недавно повсюду день и ночь рокотали моторы автомашин и комбайнов. В ту пору и прославился комбайнер Александр Кокшаров.

Сегодня казахстанские хлеборобы, как и все труженики сельского хозяйства страны, готовятся к еще бóльшим свершениям.

Каковы они, новые рубежи всенародной битвы за урожай третьего, решающего года пятилетки! Об этом рассказывает министр сельского хозяйства СССР товарищ В. МАЦКЕВИЧ.

(См. стр. 4—5).

ФОТО В. ДАВЫДОВА И Б. КЛИПИНИЦЕРА (ТАСС).

Встреча на аэродроме.

СССР - ФРАНЦИЯ: КРЕПНУЩЕЕ

Во время беседы.

Событием большого значения в международной жизни последнего времени явились встреча и беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и Президента Французской Республики Ж. Помпиду, состоявшиеся 11—12 января в Заславле, близ Минска. Как подчеркивается в советско-французском коммюнике, Л. И. Брежнев и Ж. Помпиду обсудили узловые международные проблемы, обменялись мнениями относительно развития отношений между СССР и Францией и возможностей их углубления в различных областях.

В ходе бесед, проходивших в обстановке доверительности и взаимопонимания, отвечающей особому характеру отношений дружбы и уважения между народами Советского Союза и Франции, участники встречи констатировали, что политика согласия и сотрудничества остается постоянной политикой в советско-французских отношениях и приобретает все больший вес в международной жизни.

Советский Союз и Франция, подчеркивается в советско-французском коммюнике, будут и впредь активно содействовать продолжению и развитию политики разрядки в Европе и во всем мире; они придают важное значение общеевропейскому совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества. С большим удовлетворением миролюбивые силы в Европе встретили заявление сторон об их решимости сделать все, чтобы многосторонние консультации в Хельсинки быстро привели к общей договоренности и чтобы само совещание было созвано в ближайшие месяцы.

Делу упрочения мира, несомненно, послужат достигнутая участниками встречи в Заславле договоренность о том, что СССР и Франция будут продолжать усилия, чтобы содействовать быстрейшему политическому решению вьетнамской проблемы, добиваться проведения в жизнь резолюции Совета Безопасности ООН с целью установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, а также выраженная ими позиция в пользу созыва Всемирной конференции по разоружению.

Оценивая результаты бесед Л. И. Брежнева и Ж. Помпиду, широкие слои мировой общественности, органы печати различных стран приходят к выводу о том, что встреча в Заславле представляет собой новый вклад в дело укрепления дружбы народов СССР и Франции, в упрочение мира и европейской безопасности.

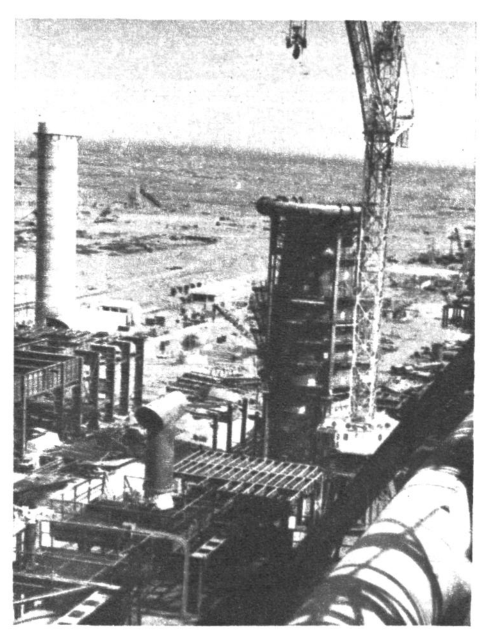
«Советские люди,— подчеркивает газета «Правда» в передовой,— с глубоким удовлетворением отмечают, что успешно развивающиеся и углубляющиеся двусторонние отношения между СССР и Францией опираются на прочную основу, отвечают не только национальным интересам двух стран, но и служат делу укрепления мира в Европе и во всем мире».

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС), А. Пахомова.

СОТРУДНИЧЕСТВО

Проводы на аэродроме.

Первая домна Бокаро.

ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ

26 января индийский народ отмечает свой национальный праздник — День республики. В этот день Дели оденется в нарядные иллюминации, на главном проспекте индийской столицы — Радж Патх — состоится праздничное шествие, будут подведены итоги двадцатитрехлетия республики. Итоги эти весьма значительны.

Укрепляется государственный экономический сектор страны, прогрессивные мероприятия проводятся в сельском хозяйстве, вырос международный авторитет индийского государства. Крепнут связи со странами социализма и народами, борющимися за свою независимость. Республика Индия установила дипломатические отношения с ДРВ. За годы независимости успешно развиваются дружественные отношения между Индией и Советским Союзом. Маяками этой дружбы являются более 60 крупных современных предприятий, построенных и строящихся на индийской земле при содействии Советского Союза. Среди них флагманы тяжелой индустрии Индии — металлургические предприятия в Бхилаи и Бокаро, заводы тяжелого электрооборудования в Хардваре, тяжелого машиностроения в Ранчи, горношахтного оборудования в Дургапуре.

Важной вехой в развитии отношений между двумя странами является подписанный между ними Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Договор стал значительным фактором мира и безопасности на всем азиатском континенте.

Встречая свой национальный праздник, индийский народ с уверенностью смотрит в будущее, идя по пути мира, созидания и сотрудничества между народами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2377)

20 ЯНВАРЯ 1973

НОВЫЕ

В. МАЦКЕВИЧ,
министр сельского хозяйства СССР

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ВОПРОС. Известно, что минувший год был трудным для нашего сельского хозяйства. С какими итогами пришли советские земледельцы к завершению 1972 года?

Ответ. Климатические условия минувшего года были для сельского хозяйства очень трудными. Метеорологи утверждают, что такого продолжительного сочетания крайне неблагоприятных природных факторов для выращивания и уборки сельскохозяйственных культур не наблюдалось в нашей стране в течение ста лет. Но благодаря возросшей технической оснащенности колхозно-совхозного производства, благодаря мерам, своевременно принятым партией и правительством по борьбе со стихийными явлениями природы, благодаря самоотверженному труду наших земледельцев и пришедших им на помощь в пору уборки рабочих промышленных предприятий, воинов Советской Армии, учащейся молодежи, населения городов грандиозная битва за хлеб выиграна. Валовой сбор зерновых культур несколько выше среднегодового сбора в предыдущей, восьмой пятилетке. И выше урожая любого, даже самого благоприятного года до мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС.

Хороший урожай зерновых собрали колхозы и совхозы Казахстана, Западной Сибири, Урала, ряда других областей Российской Федерации, многих областей Украины, Молдавии, Белоруссии, республик Прибалтики.

Особо хотелось бы отметить крупные успехи совхозов и колхозов Казахстана и Сибири в увеличении производства и продажи зерна государству. Совхозы и колхозы Казахстана засыпали в этом году в государственные закрома свыше 17 миллионов тонн зерна, Алтайского края — более 5 миллионов тонн. Выполнили и перевыполнили планы государственных закупок зерна хозяйства Омской, Новосибирской и ряда других областей Сибири и Урала.

Огромное значение для успешного проведения уборки урожая на востоке страны имела поездка Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в Казахстан, Сибирь, на Алтай, в Среднюю Азию и проведенные с его участием совещания местных партийных, советских и хозяйственных органов по мобилизации сил и средств на решение этой важнейшей задачи.

Немало забот принесла погода и нашим хлопкоробам. Суровая зима, затянувшийся период весны, прохладное лето в хлопкосеющих районах задержали развитие и созревание хлопчатника и как следствие — начало уборочных работ. Но и здесь возросшая техническая оснащенность колхозов и совхозов, большая организаторская работа партийных организаций, самоотверженный труд и высокое мастерство хлопководов обеспечили преодоление трудностей. В результате выращен и собран рекордный урожай — 7,3 миллиона тонн, перевыполнен государственный план закупок хлопка-сырца. Нелишне напомнить, что 50 лет назад сбор хлопка-сырца в нашей стране был около 72 тысяч тонн, то есть в 100 раз меньше, чем в 1971—1972 годах. Хлопкоробы Узбекистана с каждого из 1 670 тысяч гектаров получили в среднем по 27,5 центнера хлопка-сырца и поставили на заготовительные пункты 4 700 тысяч тонн. Перевыполнили план продажи хлопка-сырца и другие хлопкосеющие республики — Туркмения, Таджикистан, Азербайджан, Казахстан и Киргизия.

В сложной обстановке проходила заготовка кормов. По призыву партии тысячи рабочих, служащих и учащихся из городов и промышленных центров выходили на поля, луга, в леса. Они оказали огромную помощь колхозам и совхозам в заготовке сена, сенажа, силоса. Сейчас внимание руководителей и специалистов хозяйств, всех животноводов сосредоточено на бережном расходовании кормов, на дополнительной мобилизации кормовых ресурсов.

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников животноводства за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства в зимний период 1972—1973 гг.» воспринято тружениками сельского хозяйства как боевая программа мобилизации всех резервов для дальнейшего наращивания производства и выполнения плана государственных закупок мяса, молока и других продуктов животноводства.

Большая организаторская работа сельских партийных организаций, руководителей и специалистов, самоотверженная работа животноводов и всех тружеников села позволили в условиях минувшего года не только сохранить, но и повысить уровень производства продуктов животноводства.

Как ни сложен был для сельского хозяйства 1972 год, работники сельского хозяйства благодаря мерам, принятым партией, и при поддержке и помощи всего народа выдержали все испытания и справились с возникшими трудностями.

ВОПРОС. Что обусловило запас прочности социалистического сельского хозяйства, способность выдержать труднейшие испытания?

Ответ. Можно было бы ответить коротко: причины эти — советский строй, мудрость ленинской политики Коммунистической партии Советского Союза. В самом деле, вспомним, как все начиналось. Аграрная в недалеком прошлом страна, с отсталой техникой, перенесшая годы опустошительных войн, находясь в капиталистическом, враждебном окружении, приступила к индустриализации, закладывая основы могучей социалистической экономики. Это требовало больших средств на развитие тяжелой промышленности. Естественно, что вложения в сельское хозяйство были недостаточными и ограничивались вооружением колхозов и совхозов новой машинной техникой. Великая Отечественная война против фашистских захватчиков, послевоенное восстановление народного хозяйства, городов и сел потребовали мобилизации огромных материальных ресурсов и усилий всего советского народа. В силу этих причин сельское хозяйство долгие годы развивалось экстенсивно. Увеличение производства зерна и другой продукции земледелия достигалось путем освоения новых земель и расширения посевных площадей, а рост производства мяса, молока, шерсти осуществлялся путем увеличения численности поголовья продуктивного скота.

Следует учесть и ряд других обстоятельств. Дело в том, что климатические условия большинства районов нашей страны вообще очень суровы, что создает определенные трудности для сельскохозяйственного производства. Сопоставим их хотя бы с условиями, которые характерны для Соединенных Штатов Америки. Территория США расположена к югу от 48-й параллели, а в Советском Союзе в этой зоне находится только одна треть сельскохозяйственных земель. На районы с количеством годовых осадков 700 миллиметров и более в СССР приходится 1,1 процента площади пашни, а в США — 60 процентов. В районах с количеством годовых осадков до 400 миллиметров у нас 40 процентов площади пашни, в США — 11.

Значительно отличаются и температурные режимы. В СССР 60 процентов площади пашни находится в районах со средней температурой до +5° С, в США — лишь немногим более 10 процентов. Вегетационный период у нас во многих районах значительно короче, чем в США. Все это накладывает определенный отпечаток на наше сельское хозяйство, требует проведения работ по посеву и уборке в исключительно сжатые сроки.

Более двух третей посевных площадей зерновых культур размещается в районах хотя и с плодородными почвами, но с крайне недостаточным количеством осадков. В Поволжье, степных, засушливых районах Украины, Северного Кавказа, Сибири и Северного Казахстана, на Урале сильные и очень сильные засухи возникают один раз в три года, а если к ним добавить и средние засухи, то лишь один год из каждых трех-четырех можно отнести к более или менее благоприятным. К тому же в восточных районах страны, где размещена треть посевов зерновых культур, очень короткий вегетационный период, рано наступают осенняя ненастная погода, заморозки и снегопады.

В памяти нашей, людей старшего поколения, навсегда остались, например, засуха 1921 года и те бедствия, которые она повлекла за собой.

Но с той поры в нашей стране под руководством ленинской Коммунистической партии произошли величайшие социальные и экономические преобразования. Могучим братским Союзом Советских Социалистических Республик стала наша необъятная Родина. Некогда отсталые национальные окраины превратились в цветущие края с современной крупной промышленностью, с механизированным социалистическим сельским хозяйством, высокопроизводительным и высокотоварным. Теперь развитие сельского хозяйства происходит в новой обстановке. Наша партия, начиная с мартовского (1965 года) и майского (1966 года) Пленумов ЦК КПСС, разработала грандиозную программу интенсификации сельского хозяйства, его перевооружения на базе меха-

РУБЕЖИ

низации, электрификации и химизации производства, намечена широкая программа мелиорации земель. Эта научно обоснованная программа последовательно проводится в жизнь. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV съезде партии указано: «Решая текущие задачи, мы одновременно должны в новой пятилетке сделать большой шаг вперед в создании такой материальной и технической базы сельского хозяйства, которая поможет в будущем полностью решить проблемы сельскохозяйственного производства и преобразования села, уменьшить зависимость земледелия от стихийных сил природы».

Интенсификация сельскохозяйственного производства на прочной базе механизации, электрификации и химизации — таково существо новой программы. Известно классическое определение В. И. Лениным сущности интенсификации: «Данные о расходах на удобрение и о стоимости орудий и машин служат самым точным статистическим выражением степени интенсификации земледелия». Ленин указывал, что применение капитала к земле означает технические изменения в земледелии, интенсификацию его, переход к высшим системам полеводства, усиленное применение искусственных удобрений, улучшение орудий и машин, рост употребления их...

Майский Пленум ЦК КПСС (1966 года), развивая эти положения В. И. Ленина, выдвинул третий элемент интенсификации, имеющий важнейшее значение в наших условиях: мелиорация земель — ирригация в засушливых районах и осушение с водорегулированием в районах избыточного увлажнения. Именно мелиорация в сочетании и во взаимодействии с комплексной механизацией и химизацией является тем средством, с помощью которого социалистическое сельское хозяйство может преодолеть и преодолевает влияние суровых условий природы и таких стихийных бед, как засуха.

Октябрьский (1968 года) Пленум ЦК КПСС выдвинул четвертый элемент интенсификации — активизация роли науки в создании новых сортов и гибридов культурных растений, пород и гибридов животных, которые бы давали больше продукции с каждого гектара сельскохозяйственных угодий, от каждой головы скота, которые позволили бы снизить затраты труда и средств на единицу продукции.

Вот по каким основным направлениям идет интенсификация нашего сельского хозяйства в последние годы.

ВОПРОС. Каковы перспективы дальнейшего развития производства в колхозах и совхозах?

Ответ. Как известно, прежде крестьянское хозяйство было в основном универсальным. Такой же универсальностью характеризовались и колхозы в начальный период своего развития, когда они были сравнительно небольшими. Современные колхозы и совхозы — крупные, оснащенные техническими средствами, высокотоварные хозяйства. Сейчас осуществляется постепенный перевод сельскохозяйственного производства на промышленную основу, специализация колхозов и совхозов на массовом производстве однородной продукции. Некоторые отрасли сельского хозяйства могут быть узкоспециализированы.

Во многих областях, краях, республиках созданы и создаются животноводческие фермы-фабрики (комплексы), откормочные хозяйства, крупные молочные фермы, птицефабрики, а также тепличные комбинаты, промышленные сады... Их роль в обеспечении продуктами больших городов и промышленных центров возрастает с каждым годом.

В условиях крупных специализированных хозяйств все более явной становится экономическая целесообразность прямой связи с торгующими предприятиями, организации длительного хранения продукции непосредственно в хозяйствах или же ее переработки на месте. Имеются в виду птицефабрики, сады-комбинаты, которые завершают производство продукции, поступающей затем непосредственно в торговлю, к потребителю. Строительство предприятий по переработке овощей, плодов и ягод уже получило широкое распространение в колхозах и совхозах Краснодарского края, Липецкой, Крымской и других областей.

Специализация хозяйств, концентрация и организация производства на промышленной основе имеют много преимуществ — экономических и социальных. В таких хозяйствах будет применена передовая техника, механизация, будет производиться бóльшая масса однородной высококачественной продукции. Труд в таких хозяйствах станет более квалифицированным, привлекательным для сельской молодежи. Здесь более активно будет происходить сближение культурно-бытовых условий села и города.

Мы, разумеется, искусственно не форсируем процесс специализации колхозов и совхозов. Если в производстве яиц и мяса птицы, а также при откорме свиней этот процесс идет более быстрыми темпами, то производство молока, говядины, баранины, шерсти да частично и свинины будет сосредоточено в основной массе колхозов и совхозов, там, где наиболее правильно и выгодно сочетаются две, три или четыре отрасли полеводства с двумя, тремя отраслями животноводства. Варианты таких сочетаний в зависимости от конкретных условий хозяйства могут быть самые разнообразные.

ВОПРОС. Не за горами весна третьего, решающего года пятилетки. Каковы основные задачи советских земледельцев в наступившем 1973 году?

Ответ. Намеченная партией и правительством широкая программа всемерной интенсификации сельского хозяйства получила свое выражение в Государственном плане и Государственном бюджете СССР на 1973 год, одобренных декабрьским (1972 года) Пленумом ЦК КПСС и утвержденных Верховным Советом Союза ССР.

Как известно, предусмотрен дальнейший значительный рост государственных капиталовложений, финансирования сельского хозяйства для быстрейшего укрепления его материально-технической базы.

Огромные средства будут направлены на мелиорацию земель, на орошение посевных площадей, осушение земель с избыточной влажностью, обводнение пастбищ и другие работы. Усилится ирригация в таких засушливых районах, как Северный Кавказ, юг Украины, Поволжье.

Задача сельскохозяйственных органов вместе с Министерством мелиорации и водного хозяйства — отбирать наиболее подходящие участки для первостепенного проведения мелиоративных работ. Надо так сконцентрировать материальные вложения, чтобы в короткий срок, доброкачественно, на современном инженерном уровне выполнять гидротехнические работы. В то же время нужно своевременно осваивать орошаемые земли, подбирать для них наиболее продуктивные культуры, применять самую высокопроизводительную технологию их возделывания.

Год 1973-й пройдет под знаком дальнейшего развития крупного сельскохозяйственного производства на индустриальной основе. Будут введены в действие за счет государственных капиталовложений, а также за счет колхозных средств новые мощности птицефабрик, ферм-фабрик (комплексов) по выращиванию и откорму свиней, хранилищ фруктов, картофеля и овощей.

Значительно пополнится и обновится машинно-тракторный парк. Наши механизаторы получат, например, 62 тысячи высокопроизводительных зерноуборочных комбайнов «Сибиряк», «Нива», «Колос». Это значительно больше, чем было получено в прошлом году. Минеральных удобрений будет поставлено на 3,4 миллиона тонн больше, чем в 1972 году. Несколько возрастут снабжение новыми химическими средствами защиты растений, а также поставки кормовых фосфатов для животноводства.

Задача тружеников социалистического земледелия — умело и производительно использовать все эти современные средства. С первых дней нового, третьего года пятилетки нужно сделать все, чтобы до конца преодолеть последствия трудного 1972 года, чтобы государственный план наступившего года был безусловно выполнен и перевыполнен.

Многое нам дано, многое и спросится. Нет сомнения, что советские земледельцы рачительно, по-хозяйски еще и еще раз пересмотрят все возможные производственные резервы, мобилизуют их для максимально рационального использования земельных угодий, техники, удобрений, кормов, для повсеместного роста экономической эффективности хозяйств, снижения себестоимости продукции.

Каждое посевное зерно, каждая кормовая единица на ферме, каждый грамм удобрений и единица мощности машинного парка должны быть учтены и использованы с наибольшей выгодой.

В заключение — о главном. Минувший, тяжелый для нас год еще раз показал во весь рост воспитанного Коммунистической партией человека-гражданина нашей великой многонациональной страны. В пору сложнейших испытаний проявились с наибольшей полнотой лучшие черты советского труженика-земледельца: верность делу партии, высокая трудовая доблесть, мужество и мастерство настоящего хозяина своей земли. Вместе с тем этот год показал, что там, где наиболее грамотно и организованно велось хозяйство, понесен значительно меньший урон от ударов стихии. «...Природа природой, а работа работой,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе о 50-летии образования СССР,— и лучшее оружие в борьбе с невзгодами стихии — это высокая культура хозяйствования, активный и самоотверженный труд».

Мы твердо уверены, что сельское хозяйство сделает в 1973 году широкий шаг вперед. На это будут направлены все усилия и устремления колхозников, работников совхозов, специалистов, ученых, всех тружеников села. С воодушевлением воспринято на селе постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников сельского хозяйства за увеличение производства и заготовок зерна и других продуктов земледелия в 1973 году». Всенародное это соревнование советских земледельцев ширится с каждым днем.

НУЖНЫ КОНКРЕТНЫЕ АКЦИИ

Владимир КАТИН

Каждое утро, раскрывая свежий номер газеты, мы ищем сообщения из самых горячих точек нашей планеты — из Вьетнама и Ближнего Востока. И это понятно. Ведь сегодня прочность всеобщего мира во многом зависит от установления мира именно в этих двух районах.

Новый год на Ближнем Востоке начался новыми военными авантюрами Тель-Авива. Израильская военщина, копируя американские методы ведения войны во Вьетнаме, взяла курс на эскалацию вооруженных провокаций против Сирии и Ливана.

Характер и размах военных операций Тель-Авива, начатых в нынешнем году, внушает серьезные опасения, ибо все это очень похоже на зловещую прелюдию к новому антиарабскому заговору. Не случайно поэтому в заявлении Всемирного Совета Мира отмечается: «Преднамеренные агрессивные нападения израильских ВВС, танковых и артиллерийских частей на Сирийскую Арабскую Республику являются самыми ожесточенными и самыми массированными с 1967 года».

Таким образом, несмотря на неоднократные призывы ООН, мировой общественности и требования прогрессивных сил внутри самого Израиля стать на путь мирного урегулирования конфликта, правители этого государства — агрессора-рецидивиста по-прежнему упорно делают ставку на силу, запугивание, террор. Однако, как показывает практика, в наш век политика грубой силы абсолютно бесперспективна. Страны Арабского Востока на протяжении своей истории видели немало пришельцев, оккупантов, колонизаторов. Но никто из них не удержался на арабской земле. Задумываются ли об этом в Тель-Авиве? Очевидно, нет.

Будучи орудием американского империализма и международного сионизма и находясь у них на содержании, израильские экстремисты смотрят на земли и богатства арабских народов как на легкую добычу. В отношении самих арабов, в частности палестинцев, проводится политика изгнания и физического уничтожения. Бомбежками поселений палестинских беженцев в Сирии, Ливане, Иордании — вот какими фашистскими методами намереваются израильские руководители «решить» палестинскую проблему.

В Сирии и Ливане мне приходилось бывать в лагерях палестинских беженцев. Это целые города из брезентовых палаток. Я видел детей, которые родились и выросли здесь — детей без родины. Сионисты лишили их права иметь свою родину, свой дом, очаг... «Когда на нашу деревню налетели бомбардировщики, там были только женщины, старики и дети, — рассказывала старая женщина.— Мы чудом спаслись».

Я видел, как они плакали, эти арабские матери. Большое горе пришло на их исконную, веками обжитую землю. Но горе, как говорят на Востоке, — отец и мать гнева. И грозди гнева зреют в сердцах арабов.

Организация Объединенных Наций уже неоднократно квалифицировала Израиль как агрессора. Решение ООН объявляет все территориальные изменения, совершенные Израилем с помощью силы, недействительными. Отказываясь выполнять обязательные для каждого государства — члена ООН резолюции, в частности резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, Тель-Авив тем самым грубо попирает устав этой высокой международной организации. Между тем при вступлении в ООН Израиль провозгласил в официальной декларации, что принимает на себя все обязательства по Уставу ООН. Однако практика показала обратное: израильское правительство не только не выполняет свои обязательства, но и открыто глумится над решениями ООН.

Агрессия против арабских стран, непрекращающаяся оккупация их территорий, постоянные вооруженные провокации, обструкционистская политика в ООН — все это вызывает осуждение Израиля в международном масштабе. На последних сессиях Генеральной Ассамблеи на основе неопровержимых фактов было показано, как Израиль преднамеренно срывал мирное урегулирование на Ближнем Востоке. Анализ событий за минувшие пять лет говорит также о том, что Тель-Авив все глубже скатывается в пропасть политической изоляции на международной арене.

Возникает закономерный вопрос: есть ли возможность призвать наконец Израиль к ответу, заставить его выполнять решения ООН?

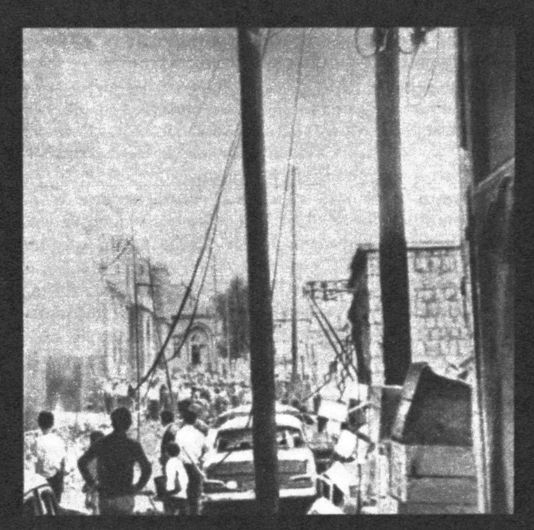
В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» дается четкая характеристика обстановки на Ближнем Востоке, указывается конкретный путь для обуздания агрессора:

«Международное положение сейчас сложилось так, что все, желающие реального укрепления всеобщего мира, должны умножить свои усилия в целях ликвидации очага войны на Ближнем Востоке и устранения последствий израильской агрессии против арабских государств. Многие государства высказывались за решение проблем Ближнего Востока на основе известных резолюций Совета Безопасности ООН. Но, к сожалению, одних высказываний мало. Если бы они были подкреплены конкретными политическими акциями, то Израилю пришлось бы пойти на мирное урегулирование, признать законные права арабских народов. Что касается Советского Союза, то наша готовность внести свой вклад в это дело общеизвестна».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Рабочие спасательных отрядов разбирают развалины в сирийской деревне Эль-Хамма.
Телефото ТАСС.

Так выглядит один из ливанских населенных пунктов после налета израильской авиации.

НОВЫЕ ПРОВОКАЦИИ ТЕЛЬ-АВИВА

Экстремисты Израиля предприняли на прошлой неделе новые вооруженные провокации против арабских стран — Сирии и Ливана. Снова гибнут мирные люди. Агрессор расширяет радиус своих действий, включив в него портовые города Латакию и Тартус на северо-западе Сирии. Военные корабли Тель-Авива вторглись в ливанские территориальные воды в районе Рас ан-Накура-Тир. Цель новых провокаций очевидна — помешать мирному урегулированию ближневосточной проблемы вопреки всем решениям Организации Объединенных Наций. Ливанская газета «Ан-Нида» оценивает эти действия как «намерение сионизма и его покровителей — американских империалистов нанести удар по арабским народам и навязать им «американские условия решения ближневосточного конфликта». В письме представителя Сирии в ООН на имя Генерального секретаря этой организации отмечается, что расширение масштабов провокаций свидетельствует об экспансионистских намерениях Израиля.

«ОН ИЗЛУЧАЛ УБЕДИТЕЛЬНУЮ СИЛУ»

Во время недавней поездки в США я посетил редакцию прогрессивного ежемесячного журнала «Нью уорлд ревью» в Нью-Йорке. Главный редактор этого журнала Джессика Смит — большой друг нашей страны, активный борец за мир, за дальнейшее развитие взаимопонимания между американским и советским народами. Ее имя хорошо известно и уважаемо в нашей стране.

Дж. Смит впервые прибыла в Страну Советов в 1922 году как член Комитета американских друзей. Здесь она вела работу по распределению американского продовольствия среди голодающих Поволжья. В том же году по поручению Общества друзей Советской России во главе первого американского тракторного отряда приехал в нашу страну и ее будущий муж Гарольд Вэр — сын выдающейся революционерки Эллы Рив Блур, которую американские рабочие уважительно называли «матушкой Блур». В Советской России Гарольд Вэр и Джессика Смит поженились и стали вместе работать по оказанию помощи республике рабочих и крестьян. Гарольд Вэр руководил в течение целого ряда лет тракторным отрядом, знакомившим советское крестьянство с передовыми методами обработки полей. А Джессика Смит работала агрономом.

Тракторный отряд в Пермской области показал пример образцовой работы и был по достоинству оценен Советским правительством, Президиумом ВЦИК и лично В. И. Лениным. В 1935 году Вэр погиб в автомобильной катастрофе. Это была большая утрата для прогрессивной Америки. Ушел преждевременно из жизни выдающийся интернационалист.

После второй мировой войны Смит не раз посещает нашу страну, пишет о ней книги, статьи, с фактами в руках разоблачает клевету буржуазной антисоветской пропаганды, борется за мир и дружбу между народами, за счастье всех трудящихся Америки. Она продолжает общественную деятельность своего мужа Гарольда Вэра и его матери Эллы Рив Блур.

Смит весьма любезно предоставила мне возможность ознакомиться с некоторыми документами Г. Вэра о деятельности американского тракторного отряда и о совместном советско-американском сельскохозяйственном товариществе, а также подарила автобиографический очерк Эллы Рив Блур «Нас много». Эта книга полезна не только для специалистов, изучающих американскую историю, но и для массового читателя, так как в ней повествуется и о нашей Советской стране, о В. И. Ленине, Коммунистической партии, Октябрьской революции и строительстве коммунистического общества. «Матушка Блур» (1862—1952) неоднократно была в нашей стране, слушала Ленина на конгрессах Коминтерна.

И. КРАСНОВ, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

Ниже мы приводим отдельные отрывки из книги Эллы Рив Блур.

* * *

...Осенью 1918 года в старом Мэдисон-сквер Гарден Нью-Йорка состоялся массовый митинг, в котором приняли участие как правые, так и левые. Газеты развязывали против большевиков кампанию подстрекательства и ненависти. Мы знали, что из-за этой кампании публичные выступления в защиту Октябрьской революции были сопряжены с трудностями и опасностью, но были полны решимости выступить.

У социалистов был обычай размахивать на митингах одновременно маленькими красными и американскими флажками. В день этого митинга мэр Нью-Йорка Хайлан заявил, что красные флажки будут запрещены. Но когда я вошла в зал, моим глазам предстало море красного цвета. На мужчинах были красные галстуки, а из кармашков торчали красные платочки, на женщинах — красные блузки и платья и красные шляпки. На мне была самая яркая алая блуза, какую я только могла найти.

Мы ждали неприятностей и поэтому не растерялись, увидев цепь молодых солдат, выстроенную позади трибуны ораторов.

Джулиус Гербер, городской организатор социалистической партии, сказал мне: «Товарищ, вы должны выступить немедленно. Обернитесь и скажите речь солдатам. Они собираются начать свалку и столкнуть нас со сцены в партер. Скажите им, чтобы они боролись за демократию у себя в стране!»

Когда я встала, моя алая блуза пылала, как красное знамя, и зал разразился аплодисментами. Я обратилась к солдатам, убеждая их в том, что они должны стоять за подлинную демократию в Америке, рассказывала им об Октябрьской революции. В самый разгар речи на сцену поднялось еще около пятидесяти полицейских. Вот в каких условиях пришлось нам проводить этот митинг.

Спустя год я председательствовала на митинге, устроенном в честь Страны Советов. Митинг проходил в здании казино «Нью-Стар». Ясно помню речь Джона Рида, с которой он к нам обратился. Он пришел на митинг совсем больной и был настолько слаб, что ему пришлось опираться на меня. «Я не могу молчать!— говорил он, когда я убеждала его сесть, ведь он был болен.— Я был там. Я видел это! Я должен рассказать им об этом!»

Элла Рив Блур выступает в Нью-Йорке на митинге, посвященном памяти Сакко и Ванцетти.

Он рассказал нам о «десяти днях, которые потрясли мир», о великом Ленине, об отважных советских рабочих и о новой жизни, которую они строят. Говорил о страшном преследовании первого государства трудящихся со стороны всех так называемых христианских стран, которые всеми средствами мешают победить социализму, о роли нашего собственного государства в вооруженной интервенции.

Вскоре после этого Джон Рид снова вернулся в Россию. Он умер там от тифа 17 октября 1920 года и был похоронен у Кремлевской стены, почитаемый и любимый как советскими, так и американскими рабочими.

...Мы участвовали в работе III Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала... Трудно было поверить, что это не сон. Мы увидели В. И. Ленина, Клару Цеткин и многих других товарищей, о которых знали по книгам и газетам.

...Фотографии и революционные лозунги, которые висели тогда на стенах, были впоследствии взяты в Музей Революции, среди экспонатов которого есть и мои две фотографии, о чем пишу с гордостью.

На второй день работы конгресса я впервые в жизни увидела Ленина. Человек небольшого роста быстро вошел в боковую дверь у сцены, сел за стол позади нескольких пальм и начал что-то писать. «Ленин здесь! Ленин здесь!» — пробежал шепот, и, наконец, делегаты, не выдержав, встали и одновременно на всех языках запели «Интернационал». Когда он поднялся на трибуну, зал снова грянул «Интернационал». Выждав некоторое время, Ленин начал свою речь. Говорил просто, без всяких ораторских трюков и цветистых выражений, излучал убедительную силу, и я в жизни не чувствовала более абсолютной искренности и самоотверженности.

После заседания Ленин спустился со сцены, чтобы пожать нам всем руки. Он тепло приветствовал американцев и задал нам много вопросов о положении в Америке, и в частности, помню, об американских фермерах.

...Большой честью для меня было знакомство с Надеждой Крупской, супругой Ленина, одним из самых беззаветно преданных делу людей, которых когда-либо знала.

Она всегда работала рядом с Лениным, помогая ему во всех делах. Педагог по профессии, Н. Крупская всегда проявляла живейший интерес к вопросам образования и в начале своего революционного пути вела занятия с рабочими в вечерней воскресной школе. Она говорила мне о колоссальных трудностях преодоления неграмотности, унаследованной от царского режима. В мои последующие приезды она всегда приглашала меня и расспрашивала о системе образования в США.

М МОСКВА М И МОСКВИЧИ

1

Проектно-строительное управление по передвижке зданий и сооружений создается в Главмосстрое. Предполагается, что одним из первых будет передвинут Музей архитектуры имени Щусева на проспекте Калинина.

Исполком Моссовета наметил открыть несколько новых филателистических магазинов, расширить торговлю — в том числе и комиссионную — филателистической продукцией. Библиотеки, музеи и другие культурно-просветительные учреждения будут с помощью специалистов по филателии и нумизматике проводить консультации, лекции, беседы, делать обзоры специальной литературы. Во всех новых крупных универмагах появятся секции по продаже значков.

Проект пришкольного участка — площадки для игр учащихся начальных классов, а также групп продленного дня — разрабатывают столичные архитекторы.

Исполком Моссовета утвердил проект типового здания школьной столовой, где одновременно будут обедать 200 учащихся.

Принято решение о создании объединения «Элегант» по приему заказов на пошив одежды. «Элеганту» передаются на правах филиала ателье и пять магазинов-салонов одежды.

2

Половину комнаты, в которой живет Владимир Никифорович Алексеев, занимает замечательное книжное собрание. Давно уже столичный букинист начал собирать произведения Владимира Ильича Ленина и материалы, посвященные вождю революции.

Алексеев заботится не только о пополнении своей коллекции. Немало редчайших книг приобрели московские библиотеки с его помощью. Несколько лет назад в Москве проходила крупнейшая международная выставка книги. Первый зал был отведен Лениниане — она полностью была составлена из собрания В. Н. Алексеева. Писатели, журналисты, научные работники часто пользуются алексеевским собранием — навести справку, найти редкую работу. Недавно Алексеев часть своей коллекции подарил Каракалпакии...

В коллекции Владимира Никифоровича хранится и памятный жетон с изображением В. И. Ленина. Он был выпущен к первой годовщине Великой Октябрьской революции. На лицевой стороне жетона — рельефный портрет Владимира Ильича. На оборотной стороне — надпись: «Да здравствует свобода Великого Трудового Народа. 25-го окт. 1917 г.» и изображение красной гвоздики. «Существуют две версии о назначении этого жетона. По первой — им награждались герои гражданской войны, и он, таким образом, был предшественником первого советского ордена — Красного Знамени. По второй версии жетон вручался солдатам первых регулярных полков Красной Армии»,— так писала об этом жетоне многотиражная газета «Московский книжник».

Во всех каталогах книга «Записки по истории революционного движения в России до 1913 года» лишь упоминается. Библиографы знают: это издание департамента полиции, книга под грифом «не подлежит оглашению», книга-донос. Утверждают: ее не найти ни в одном хранилище. У Алексеева она есть.

Собрание растет. В давнее время он приобрел уникальную книгу. В ней схема распространения нелегальной социал-демократической литературы в пределах империи. Жандармская охранка потратила немало сил, чтобы выявить эти пути и нанести их на сверхсекретную схему.

— Эта схема,— говорит Владимир Никифорович,— помогла мне в наше время собрать многие из упоминавшихся в ней «крамольных» изданий...

К. БАРЫКИН

На снимке: В. Н. Алексеев и продавец магазина «Букинист» Т. Мишкина.

Фото А. Бочинина.

3

«Колечко» называют его строители. Впрочем, кольцом дом видится лишь с высоты. А когда смотришь на него с улицы, он больше похож на приземистую многооконную башню.

Кольцо уже полностью сомкнулось: стройка вступила в пору завершения. Бригада Константина Аношина заканчивает монтаж последнего семисекционного корпуса. Пока такой дом — единственный в стране. Строится он в Гагаринском районе столицы. Дом-кольцо обогащает весь комплекс застройки. Вечерами многие окна уже светятся — более половины квартир заселено.

...Своим рождением этот дом обязан коллективу мастерской № 3 Моспроекта № 1. Здесь был разработан проект столь необычного здания.

— Александр Сергеевич, каковы преимущества нового дома?— спрашиваю я архитектора Маркелова.

— Кольцевая форма позволяет более экономно использовать площадь застройки. Улучшена планировка квартир. За исключением первых двух этажей, все квартиры — с балконами. Круглое пространство двора защищено от сквозняков. Здесь сложится свой благоприятный микроклимат.

По темпам строительства дом не отличается от типовых. Что же касается сложностей, то весьма трудно было, например, подобрать в проекте наружные

стеновые панели таким образом, чтобы замкнуть кольцо.

— Перспективны ли здания такого типа?

— Круглые дома могут сделать композицию жилых районов богаче, живописней. Развивая опыт, можно спроектировать и дом-подкову и дом-волну.

Первый круглый дом — жилой. Но не исключены и служебные здания кольцевой формы. Разумеется, если промышленность стройматериалов пойдет навстречу.

В девятиэтажном доме-кольце 912 квартир — от однокомнатных до четырехкомнатных. И хорошо, что авторы проекта

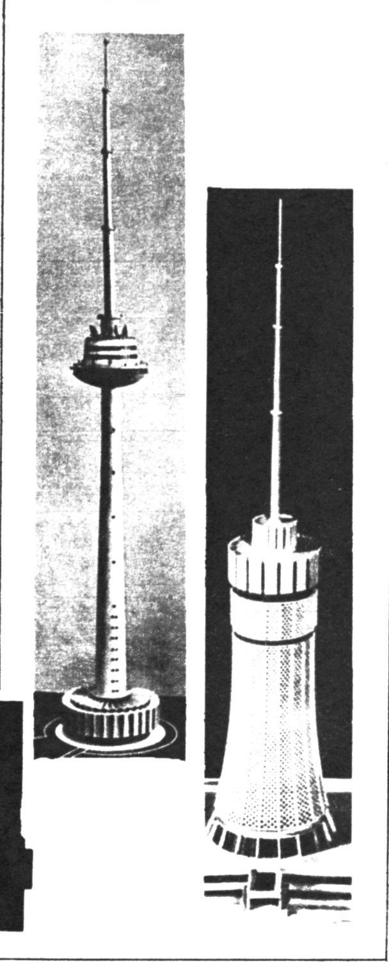
Павильон «Радиоэлектроника» Выставки достижений народного хозяйства познакомил с телевизионными гигантами — проектами оригинальных сооружений, которые предполагается воздвигнуть в столицах союзных республик.

Телевизионная башня для Баку сочетает монументальность с изяществом. Вильнюсская башня — 365 метров высоты — в своем основании разместит технические службы. А примерно на середину своей высоты она намерена вознести ресторан, площадки обзора и разные службы. Оригинальностью архитектурного решения отличается и проект 350-метровой Ташкентской телевизионной башни.

К. КОСТИН

1. Такой видят проектировщики Вильнюсскую телевизионную башню.

2. Это макет Бакинского телегиганта.

4

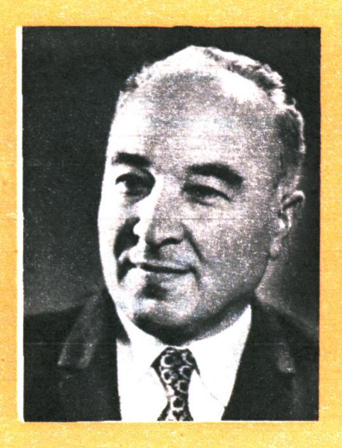
предусмотрели в цокольном этаже дома библиотеку-читальню на 75 тысяч томов, хозяйственный магазин, аптеку, отделение связи, сберегательную кассу, молочно-раздаточный пункт.

Удобно ли жить в таком доме? С этим вопросом иду в одну из уже заселенных квартир. Водитель автобуса Павел Петрович Ломакин считается тут старожилом. Он поселился здесь в числе первых. Очень доволен новой квартирой. Просторные комнаты. Удобная кухня, большая прихожая. А солнцу все пути открыты: и во двор и в каждую квартиру.

Сергей **СМЕЛЯНСКИЙ**

Фото М. Савина.

Самая длинная дорога та, которая рождает новую книгу. Алим Кешоков написал цикл произведений, в основе которых лежат впечатления поэта от поездки по городам и деревням Индии, от встреч с людьми разных судеб и профессий. В «Индийской поэме о семи братьях и одном колодце», переведенной Яковом Козловским, традиционные образы из богатейшей народной поэзии как бы осовременены, наполнены пафосом сегодняшней действительности Индии.

Алим **КЕШОКОВ**

ИНДИЙСКАЯ ПОЭМА О СЕМИ БРАТЬЯХ И ОДНОМ КОЛОДЦЕ

ПЕСНЯ ВЕТРА

Я Волчье Брюхо,
Бог ветра Вайю.
Порою глухо
Я завываю.

Горжусь,
простыня,
Башкой шальною.
Слывет пустыня
Моей женою.

И, желтовата,
От жажды лютой,
Она чревата
Тигриной смутой.

В честь злого духа
Пески взвиваю,
Я Волчье Брюхо,
Бог ветра Вайю.

Даль половиня,
Я крашусь хною.
Слывет пустыня
Моей женою.
Она нередко
Мне страсть являла.
И людоедка
Всласть пировала.

Нет первобытней
Ее особы.
Нет ненасытней
Ее утробы.

Молитвы певших
В песках каленых,
Глотала пеших,
Сжирала конных.

Крича ей в ухо,
Гулять взываю,
Я Волчье Брюхо,
Бог ветра Вайю.

ПЕСНЯ ПУСТЫНИ

Яркой приманкой коварных миражей
Путников я зазываю в пески,
Кличу стервятников — преданных стражей
Голосом тысячелетней тоски.

Всходит луна не по воле брахмана,
Кажется, я отраженье луны:
Обе мы желтого с нею чекана,
Обе, как дикие, обнажены.

Прачка-мужчина по имени Дхóби,
К тому не заходит, кто гол, как сокóл.
Я и луна,
мы бесплодны с ней обе,
Будда обеих водой обошел.
Жертвы порою живьем зарываю,

Но, чтоб смягчилась как женщина я,
Дай мне услышать,
возлюбленный Вайю,
Шелест деревьев и лепет ручья.

ПЕСНЯ СЕМИ БРАТЬЕВ

Есть у грозного Шивы немало заслуг,
В ход полдюжины рук он пускает зараз,
А у нас, семи братьев,
Четырнадцать рук,
А у нас, семи братьев,
Четырнадцать глаз.

Дали землю в пустыне нам. Камень вокруг,
Солнце в яростной сини горит, как алмаз,
Чтобы мы опустили
Четырнадцать рук,
Чтобы в страхе закрыли
Четырнадцать глаз.

Есть у бога огня не один, а семь штук
Языков, что горят, как полуденный час,
А у нас, семи братьев,
Четырнадцать рук,
А у нас, семи братьев,
Четырнадцать глаз.

По барханам ползет смертоносный паук,
И змея покидает потомственный лаз,
Чтобы мы опустили
Четырнадцать рук,
Чтобы в страхе закрыли
Четырнадцать глаз.

Нам пророчит пустыня семь тысяч прорух,
Поднимая песков угрожающий пляс,
Но бросают ей вызов
Четырнадцать рук,
Но бросают ей вызов
Четырнадцать глаз.

СЛОВО СТАРШЕГО БРАТА О РЕКЕ ГАНГЕ

Первосвященная Ганга [1]
В трех мирозданьях течет.
Как женщину царского ранга,
Ее окружает почет.

Богиней она молодою
Прослыла в земной стороне,
Где нищих полно над водою,
А пепла сожженных — на дне.

Но в мирозданье небесном,
Рядясь в голубые шелка,
Дождем она стала отвесным,
Клубя на устах облака.

А в мирозданье подземном
Вулканами дышит она.
И берег хрустальный не всем нам
В раю предоставить вольна́.

И если в расчеты мы примем
Реки этой круговорот,
Окажется, что под пустыней
Великая Ганга течет.

Пробьем мы колодец. И вытру
Я пот с потемневшего лба.
И дьяволу засухи Вритру,
Клянусь, еще будет труба!

[1] Ганга — в индийских языках река Ганг женского рода, поэтому в мифологии она выступает в образе прекрасной юной женщины, богини, жены царя Шантану.

СЛОВО ВТОРОГО БРАТА

Старший брат мой, быть может, во славу чудес,
Оказавшись у Индры [2] в чести,
Как мудрец Бхагаратха, на землю с небес
Ты отважился Гангу свести.

Или, в камень стальное вонзив острие,
Где удава виднеется след,
Из подземного тайного царства ее
Ты отважился вырвать на свет?

Мирозданье небесное
Помни, мой брат,
В недоступной висит вышине,
А подземное, темное, словно агат,
В недоступной лежит глубине.

Если три мирозданья свяжешь, мой брат,
Ты одною рекой, как судьбой,
То придется им голод и сонмы заплат
На троих поделить меж собой.

А захочет ли небо взять часть нищеты,
А другую — подземный предел?
Или, может быть, насмерть поссоришь их ты
С нашим миром, чей горек удел?

Пусть грозит обернуться драконом песок,
Разъярясь на погибель души.
Если бедность острей, чем пенджабский клинок,
Грудь пустыни пронзить поспеши.

СЛОВО ТРЕТЬЕГО БРАТА

За первой супружеской парой вослед
Всевышний, чей сказочен дар,
Еще произвел вдохновенно на свет
Двенадцать супружеских пар.

Затем для того, чтобы знать ему впредь
Их вкусы на все времена,
Пред ними расставил он разную снедь,
Заране ей дав имена.

И смог усмотреть, хоть сидел высоко́,
Что после любовных утех
Счастливая пара пила молоко,
Кокосовый взрезав орех.

Вторая чета, от блаженства пьяна,
Ничуть не казалась святой.
Вкусить поросенка решила она,
Чья кожа была золотой.

Хоть сладок сок манговый, словно мечта,
Не выпив его ни глотка,
Решительно третья прельстилась чета
Дымящимся сердцем быка.

И лишь не досталося яств никаких
Двенадцатой юной чете,
Явилась на пиршество позже других
Она по своей простоте.

Не знала о том новобрачных гурьба,
Далекая всяких лукавств,
Что нынче навеки потомков судьба
Решается выбором яств.

От первой четы на земле искони
Ведется брахманами род,
И заняты делом духовным они,
И в мире потерян им счет.

А низшая каста из лужи все пьет,
Откуда взял бог порося.
И ясно, с кого она род свой ведет,
О хлебе мольбы вознося.

От третьей четы полководцы пошли,
Запомнил сражения мир,
А мы от двенадцатой произошли
Четы,
опоздавшей на пир.

[2] Индра — бог-громовержец, властитель рая.

Как нас называют, не все ли равно,
Издревле мы были в чести,
И схватку с пустынею нам суждено,
Как с желтым драконом вести.

ЧЕТВЕРТЫЙ БРАТ

Сокращают даль дороги,
Для чего жалеть нам ноги?
Ходим, как благая весть.
Кто лежит на мягком ложе,
Раньше тех умрет, о боже,
Кому некогда присесть.

ПЯТЫЙ БРАТ

Какая гонит нас напасть,
И для чего мы, жаждой мучась,
Переменить желая участь,
Дракону лезем прямо в пасть?

ШЕСТОЙ БРАТ

Об этом поздно говорить,
Пора пустыню взять за глотку,
Чтоб землю эту превратить
В чадолюбивую красотку!

САМЫЙ МЛАДШИЙ БРАТ

Неспроста поучениям мудрым
Внемлю я, самый младший из вас.
Оценить совершенное утром
В предзакатный сумеем мы час.

На пустыню навалимся разом,
Быть с удачей нам всем семерым.
Старший брат по закону обязан
Стать наставником верным моим.

СТАРШИЙ БРАТ

Напомню
сравнения ради,
Хоть эта земля еще зла,
Что царская дочь Драупади
Женой пяти братьев была.

Брат старший — почти полководец,
И я говорю вам о том,
Что раньше отроем колодец,
А после мы выстроим дом.

Пустыню придумали джинны,
Нет в мире погибельней мест,
Но будем семь братьев
едины,
И всех нас пустыня не съест.

СЕМЬ БРАТЬЕВ

Все шире багровой каймы
Дуга на безоблачной сини.
И вызов бросаем пустыне,
Сжав ломы хелайские мы.

И в камень сердец своих стук
Вонзаем, отдавшись работе:
Врубились четырнадцать рук
Во чрево базальтовой плоти.

Горят на ладони любой
Мозоли подобьем ожога.
Мы семиголового бога
Семь братьев являем собой.

Пустыня — исчадье беды.
О, если б проклятьям на милость
Внезапно она провалилась
Под нами до самой воды!

Обличьем не силачи,
Мы стали опорой друг другу,
Дырявим земную кольчугу,
Собой походя на мечи.

У нас, как у вышедших в бой,
Надежда в душе и тревога.
Мы семиголового бога
Семь братьев являем собой.

Породы тяжелую кладь
Вздымай на поверхность, лебедка,
Чтоб воду гранитная глотка
На свет начала исторгать!

На дно океана, скуля,
Пусть Вритру — злой дух — уберется,
Вспоенная влагой колодца,
Кормилицей станет земля.

Пришли мы сюда не с мольбой,
Крута оказалась дорога.
Мы семиголового бога
Семь братьев являем собой.

* * *

В земную грудь с каких мы пор
Все лезем напролом?
И заступ стал не так остер,
И затупился лом,

И ствол колодца нам назло
Дымится в этот час,
Он, как орудия жерло,
Что выпалило в нас.

Мой брат, напрасно ты грустишь:
Была во всех веках
Работа,
начатая лишь,
Конем на трех ногах.

* * *

В тот день песок слегка клубился,
Когда, явясь издалека,
Брахман весь в желтом появился
Пред ними в логове песка.

«Стоите на пороге бед,
Скорей гневить кончайте бога,—
Взглянув решительно и строго,
Промолвил толкователь Вед,—

От слова божьего проклятья
Сия пустынная земля
Навеки лишена зачатья,
И вам грозит, песком пыля».

Был даже в ярости степенен
Брахман.
И поучал их он:
«В трех мирозданьях неизменен
Не зря круговорот времен.
Век золотой был — Крита-юга —
Но и тогда, но и тогда
Здесь рыжая металась вьюга
И жизни не было следа.
Потом явилась Трета-юга —
Серебряный безгрешный век,
Но и тогда, как сбившись с круга,
Земля здесь сторонилась рек.

Потом пришел Двапара-юга,
Добром ущербный медный век,
Но и тогда, как от недуга,
Водой здесь бредил человек.

И Кали-юга — век пороков,
Хоть вы усердны и добры,
Вам не связать речных потоков
И не соединить миры.

Ни в нынешний, ни в век грядущий
Не может стать,
вам говорят,
Пустыня полем или кущей,
Как обернуться раем ад».

И бросив семена сомненья
В их семь доверчивых сердец,
Как сна недоброго виденье,
Исчез пред ними этот жрец.

* * *

Им, покорителям пустыни,
Жрец напророчил скорбь утрат.
И мертвым поднят младший брат
Со дна колодца был в корзине.

Прослыв ослушником опальным,
Он задохнулся в глубине.
И, как на жертвенном огне,
Сожжен в костре был погребальном.

Недолго угли багровели,
И ветер прах развеял враз.
И хоть скорбят двенадцать глаз,
Двенадцать рук опять при деле.

Народа не щадить честнóго,
Наверно, смерть всегда вольна.
И мертвым с кладезного дна
Пять братьев подняли шестого.

Быть может, смерть, являя силу
И злую, дьявольскую прыть,
Колодец этот превратить
Решила в братскую могилу.

Она, старуха, виновата,
Что из песков, боясь беды,
Бежали полночью два брата,
Чьи Вритру зализал следы.

Три пары глаз полны печали,
Но старший брат неукротим:
— Едины будем, как вначале'
И двое следуют за ним!

* * *

Они не маги, не факиры,
Другой под стать им ореол.
Был труд их схож с трудом Индиры,
Чей жребий труден и тяжел.

Ей суждено судьбой поныне
Быть в стае птицей головной
И преодолевать пустыни,
Летя в заветный край лесной.

И на земном тревожном шаре
Все видят, как перед людьми

Вновь предстает в бенгальском сари
Она богинею Лакшми.

Да, нелегка премьера доля,
Когда преградам нет конца,
Но унаследована воля
Индирой Ганди от отца.

И, преодолевая смело
Сопротивление невежд,
Дорогу вымостить сумела
Она обломками надежд.

* * *

Работавший на дне колодца,
Устал смертельно старший брат,
И снова сердце гулко бьется,
Все время учащая лад.

И в три погибели он гнется,
На ощупь действует — беда.
А глянет вверх:
над тьмой колодца
Мерцает небо, как звезда.

И сердце вырваться готово,
Но в положении таком
Все ж ухитряется он снова
Попасть в зубило молотком.

Впрямь каторга, а не работа,
И духоту клянет и тьму,
Но вдруг почувствовал,
как что-то
Всю руку залило ему.

Подумал он:
«Поранил руку».
Поднес к губам
и лишь тогда,
На радость переплавив муку:
— Вода! — провозгласил,—
вода!

* * *

И вновь брахман явился вдруг:
«Вы жизни собственной в угоду
Пить стерегитесь эту воду,
Сокрыт в ней сто один недуг».

И, радуясь его уходу,
Победы чествуя
пролог,
Они вновь пили эту воду,
И ни один не занемог.

И посадили молодые
Вблизи колодца дерева.
И вскоре подняла впервые
Здесь шелест юная листва.

* * *

Однажды Вишну [1], обернувшись гномом,
Сказал,
представ пред демоном знакомым:
— Подай,
чтобы не сгинул я, бедняга,
Ты мне земли каких-нибудь три шага!

И, землю получив таким обманом,
Мгновенно обернулся великаном.

И, сделавший гигантские два шага,
Три мира обошел во имя блага.
И чем-то,
хоть трудней у нас дорога,
Мы этого напоминаем бога.

* * *

Два дерева. Посажены они
В честь юношей, погибших здесь когда-то.
Два дерева. Сижу я в их тени
И слышу быль, что сказочна и свята.

И, от людей не отрывая глаз,
Как никогда, я понимаю ныне,
Что тигролова доблестней в сто раз
Любой из покорителей пустыни.

Перевел с кабардинского
Яков Козловский.

---

[1] Вишну — второй бог индийской триады.

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛО

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава VIII

Эллисон Айр был для полиции достаточно влиятельным лицом, чтобы по его требованию Скотти был усажен в машину «мармон» и под конвоем констебля Пита Питерса, крепко державшего плачущего мальчика за руки, отвезен на ферму к родителям.

Бо́льшего сделать было нельзя: Скотти слишком мал и к тому же увертлив и подвижен, как ртуть. Даже посаженный под замок, он сумел бы удрать, а это завело бы дело слишком далеко.

Джози позволили сесть в желтый экипаж только после того, как увезли Скотти. Она тут же заявила, что желает непременно участвовать в состязании — пони в упряжках — зачем же тогда ей купили белые перчатки и все прочее? Правда, Бо был по-прежнему беспокоен и пугался, как только кто-нибудь подходил к нему.

— Может быть, мне сесть в экипаж вместе с тобой?— спросил у дочери Эллисон.

— Да, да! Пусть отец непременно сядет,— сказала подошедшая миссис Айр.

— Я в полном порядке, оставьте меня! Уйдите!— закричала Джози.

Мы с Томом смотрели, прячась за стогом сена, как Джози выехала рысью из загона. Раздался звонок к заезду. Девочка держалась очень уверенно, хотя щеки у нее еще горели от пережитого потрясения. Мы подобрались к арене и стали следить за ней. Многое за этот час изменилось — мы уже больше не знали, желать ли Джози победы или нет. И она не выиграла заезда. Бо был до крайности строптив и непослушен: он пугался флага, когда пробегал мимо, и даже бросился в сторону, когда через дорожку перелетел клочок бумаги. В конце концов Джози дали утешительный приз. От неудачи и разочарования она совсем расстроилась.

К концу дня, когда экипаж Джози был погружен на грузовик, Бо водворен в фургон, а Эллисон Айр проиграл и второй свой заезд на скачках, выставка уже гудела от разговоров о непостижимом поведении Скотти. Больше того, все уже знали об утверждении Скотти, что Бо — это пропавший пони Тэфф. Необычное происшествие вызывало споры, и люди из-за этого еще долго задерживались на выставке.

Неужели возможно, что Бо и Тэфф — одна и та же лошадь? Мы с Томом до хрипоты спорили по дороге домой. Мы были в числе немногих, кто присутствовал при сцене, разыгравшейся в загоне, и могли судить об этом, как очевидцы.

— Это он! Это Тэфф!— повторял Том с горячей убежденностью десятилетнего.— Я знаю, что это Тэфф!

— Откуда ты можешь знать?— возражал я Тому, зная, что его суждения всегда безапелляционны.— Как мог Скотти так вот сразу узнать пони?

— Он узнал. Просто узнал, вот и все!— сердито восклицал Том.

Раздражение, с которым спорил Том, уже намекало на то, что вскоре стало общим в нашем городе: начинался раскол, правда, пока между двумя братьями. В дальнейшем это разногласие охватило всех горожан.

Нам с Томом не терпелось поскорее увидеть Скотти. На следующее утро, в субботу, мы поднялись в шесть и тут же поехали, одолжив у соседей велосипед, на ферму Пири. Мы застали Скотти за работой: он очищал от грязи небольшие дренажные канавы, с помощью которых Энгус Пири пытался осушить хоть часть своей болотистой, засоленной земли. Мы стояли босыми ногами по щиколотку в черной, вязкой грязи и с любопытством смотрели на Скотти, голубые глаза которого еще блестели от злости и негодования.

— Почему ты так уверен, что это Тэфф?— спросил я, когда Скотти рассказал о поездке в «мармоне» и о том, как высадил его на грязной дороге, за милю до фермы, констебль Питерс, пообещавший упрятать за решетку, если он станет снова безобразничать в городе.

— Почему я так уверен? — возмущенно повторил мой вопрос Скотти.— Откуда я знаю, что это Тэфф?— продолжал он, очевидно, стараясь найти убедительную причину.— Ну, я знаю, например, кто такие вы или не знаю?

— Да, но это совсем другое...

— Нет, не другое. Я гляжу на вас и узнаю вас. Почему же мне не узнать Тэффа?

— Это никого не убедит,— решился сказать я.

— Ну нет, я, например, убежден,— вмешался Том.

— И я тоже,— сказал Скотти.

— Ладно. Но как же они, по-твоему, смогли заполучить Тэффа?

— Этого я не знаю. Может быть, Дормен Уокер продал его им.

— Нет! Блю Уотерс говорил всем, что привел пони прямо из табуна.

— Мне наплевать на Блю Уотерса.

— А может быть, Тэфф переплыл реку и сам пристал к пони?— спросил Том.

— Тэфф никогда не подойдет близко к воде,— презрительно фыркнул Скотти.— Они свели его как-то по-другому. Но это Тэфф, и больше ничего я знать не хочу.

Трудно было спорить, и я замолчал; но когда спросил Скотти, что же он собирается делать, тот отвел глаза, как бы давая понять, что у него есть какой-то замысел.

— Не знаю. Что-нибудь сделаю.

— Они ни за что не отдадут его,— сказал Том и свирепо нахмурил брови.— Они и близко тебя не подпустят к «Риверсайду».

— Что говорит твой отец?— спросил я Скотти.

— Он говорит, лучше бросить все дело, если даже это Тэфф. Он говорит, что Тэфф просто ушел искать себе корм. Ну и все такое.

— Он прав, Скотти,— сказал я с горечью.— Ничто не заставит Джози Айр отдать Бо, пусть это даже Тэфф. Она не из таких.

— Ладно!— В голосе Скотти послышалась угроза.— Если не отдаст... Если не отдаст...

Он замолчал, не желая, видимо, договаривать до конца.

Утром в понедельник выяснилось, что случай со Скотти все-таки вызвал некоторый переполох в поместье Айров. Блю рассказывал в «Белом Лебеде» еще в субботу, что Эллисон допрашивал его с пристрастием насчет того, как отловили пони, когда и где и есть ли хоть малейшее сомнение в том, что он был в диком табуне? Мы расспрашивали в школе Арка Аркрайта, единственного мальчика, которому позволено было свободно бегать по всему «Белому Лебедю» и слушать все, что могло интересовать нас. Арк был сыном владельца пивной.

— Не понимаю, почему Эллисон так нервничает по поводу такой чепухи,— говорил собеседникам Блю.— Он ведь сам видел Бо, когда мы его привели с тремя другими из дикого табуна. Ему и волноваться ни к чему. Он сам знает, что Бо — один из диких пони.

— Очень может быть, но...— начал Даути Эндрюс. Даути считался главным скептиком в городе; это был сгорбленный, худой механик, вдовец, отец красивой дочери.— Но ведь уже прошли месяцы с тех пор, как пропал у Скотти пони, за это время лошадь может стать дикой. Да и пони Скотти Пири всегда был полудиким: вспомните, как скакал на нем этот маленький чертенок...

— Да, но при чем тут Бо?— пожал плечами Блю.— Бо был дикарем, когда мы притащили его из зарослей. Я-то сколько возился с ним!

Блю был в своей стихии. Сдувая пену в стакане и обливая пивом рукава куртки, он глядел победителем. Мне думается, что это уже было началом упомянутого всеобщего размежевания, хотя в «Белом Лебеде» пока что спор шел только о лошади. Лошади еще были в чести в Сент-Хэлен. Может быть, потому, что рабочая лошадь уходила и из нашей жизни, или потому, что она была для нас как бы связующим звеном с уходящим прошлым?

Во всяком случае, вопрос о том, кто является подлинным владельцем какой-нибудь лошади,— обычный предмет шумного спора у длинной цинковой стойки «Белого Лебедя», которая к восьми вечера бывала такой же мокрой, как дорожка в плавательном бассейне.

— Вы ни черта не смыслите! — высокомерно говорил Блю после десятого запотевшего ста-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

жЕНИЕ

кана легкого «Фостера», когда спор уже следовало заканчивать.— Подойти к этому пони — и то нельзя было. Это самый настоящий дикий пони. Я видел его, как этого не понять? Я видел его!

— К нему нельзя было подойти? А тогда, когда Скотти Пири ездил на нем? — ладил свое новоявленный сторонник Скотти, забрызганный грязью фермер с другой окраины города, носивший кличку «Домовой» (его настоящее имя было Керзон, а кличка происходила от его любимого присловья: «Грош цена вашему дому»; он был лучшим трубачом в городском оркестре и славился тем, что оспаривал любое слово, сказанное Блю Уотерсом).

Блю предложил ему лучше взять в рот свою трубу, чем говорить о лошадях.

— А ты настоящий «Голос его хозяина» [1], Блю,— спокойно отпарировал «Домовой».

Спор явно переходил в перебранку, даже Скотти и Тэфф вскоре были забыты. Но дома отец сообщил нам, что к нему в контору пришел Дормен Уокер и спросил, какую юридическую позицию следовало бы ему занять в этой истории.

— Я сказал ему, что тут нет никакой юридической позиции. Он, видно, хочет заполучить пони, но боится вступать в конфликт с Эллисоном Айром.

— В какой конфликт? — спросил Том.— И при чем тут Дормен Уокер?

Отец разъяснил Тому: когда идет спор о владении чем-либо, только суд может надлежащим образом разрешить его. Вот чем интересовался Дормен Уокер.

— Но ведь этот пони принадлежит Скотти? — не понимал Том.

— А тебе откуда это известно? — спросил отец.

— Я просто знаю — и все,— сказал Том.

— А если Джози Айр скажет, что она тоже «просто знает», тогда что?

Том замолчал.

— Пони находится у Джози,— подчеркнул отец.— А это для закона девяносто процентов доказательств в пользу владеющего.

— А что, если это и в самом деле пони Скотти Пири? — спросила мать.

— Тогда забота о доказательствах ляжет на семью Пири. Думаю, это безнадежное дело.

— А я не думаю, что это пони Скотти,— сказала моя сестра Джинни.— Вы говорите так потому, что хорошо относитесь к Скотти. А я хорошо отношусь к Джози и говорю, что пони ее.

Так начала раскалываться наша семья, и не на основе веских доказательств (отец настаивал именно на этом), а в зависимости от того, кто тебе нравится и кому ты хочешь протянуть руку дружеской поддержки.

Глава IX

Шли последние дни лета, вот-вот должны начаться занятия в школе. Река наша все еще была по-летнему мелководной, даже мельче обычного уровня, но все мы, жившие рекой и сжившиеся с ней, до последнего старались использовать ее оскудевшие дары. На излучине мы устраивали свои поздние состязания в грязноватой и тусклой воде. Мы ныряли как можно глубже в донные ямы или прыгали с песчаных наносов через узкую стремнину, ползали наперегонки по ничтожной глубине в два дюйма между пес-

---

[1] Фабричная марка старых граммофонов — собака, слушающая у трубы пластинку с голосом хозяина.

чаными островками. Таков был наш водный спорт перед началом осени.

Ночью я лежал в кровати на веранде и прислушивался к тому, как миллионы лягушек в болотах островка Пентал не то начинают концерт, не то просто подымают далекий ночной гул. Лягушки словно чувствовали себя завоевателями в царстве тихого и теплого ночного воздуха. Там, вдалеке, они трещали, хрустели, пускали трели... Это заполняло все огромное пространство вокруг и властно лишало меня тишины ночи.

Я любил это пространство при дневном свете, но ночью оно не давало мне покоя: мне казалось, что эта необъятная пустота и безмолвие уничтожают все, что несет нам жизнь. Ночью не было железных дорог, электрического света, даже трепещущего огонька, не было автомобилей, телефонов. В особенности наша зима как бы выключала все это по ночам. Поэтому лягушки летом были, пожалуй, спасителями, и я все-таки любил их.

Я думал также о том, чтó чувствовал Скотти Пири, когда проводил две или три ночи на этом кишащем лягушками островке. Я знал, что это было новым увлечением Скотти — тяга к пустоте и глуши, именно это, видимо, отвечало теперь состоянию его души. Я особенно это отметил после той ужасной встречи его с Джози и Бо. Как раз теперь, думалось мне, он снова отправился на остров. Его мать встретила нас на улице и молча, одними своими печальными глазами дала нам понять, что Скотти опять исчез.

Потом, когда я ловил рыбу возле Келли-Кламп и глядел, как в небе стая крачек перелетает от южного к северному полюсу, из кустов вдруг вынырнул Скотти и, не здороваясь, спросил, когда начнутся занятия в школе.

— В следующую среду,— сказал я.— Где ты пропадал? Твоя мать вне себя...

— А когда будет среда?— спросил он, не обращая внимания на мой вопрос.

— Сегодня пятница,— ответил я.— Значит, через четыре дня.

— Ты думаешь — сегодня пятница...— задумчиво сказал Скотти; он, как всегда, был бос, а это опасно — на острове жили змеи.— Наловил ты что-нибудь?— спросил он.

У меня были два окуня и небольшая треска.

— Тут нынче почти нет рыбы,— сказал Скотти.— Почему бы тебе не попробовать...— Он, видимо, хотел назвать другое место, но вдруг осекся; Скотти знал реку лучше любого из нас и за время, которое проводил на острове, обнаружил немало рыбных местечек; он всегда был готов поделиться с другими всем, что знал, но сейчас его вроде что-то остановило.

— Так что же?— спросил я.— Где, по-твоему, мне стоило бы ловить?

— Да нет, тут теперь везде плохо, Кит,— сказал он и пожал плечами.

Мы покамест не упоминали о Тэффе и Бо. Я смотрел на Скотти и думал, что он, наверное, уже примирился со своим поражением и решил, что если даже Бо — это Тэфф, с этим ничего не поделаешь. Может ли он вести борьбу с Эллисоном Айром, богачом, да еще из-за пони его дочери?

— Ты придешь в среду в школу?— спросил я.— Или останешься на реке?

— Это зависит...

— От чего?

— Так, от разного,— сказал он уклончиво. В руке у него была дубинка, которую он вырезал на случай встречи со змеей. Он очень загорел, был бронзового цвета, светлые волосы отросли и были всклокочены. Но ясные глаза Скотти говорили мне о том, что тут было что-то бóльшее, чем желание любоваться красивым ландшафтом острова и реки.

— Ты рассказал своему отцу, что со мной было на выставке?— спросил он вдруг.

— Мне не надо было ему рассказывать. Об этом знает весь город.

Скотти был удивлен.

— Как «весь город»?— спросил он неуверенно.— Кто им рассказал?

— А ты что думал?— недоверчиво сказал я.— Каждый рассказывает каждому. Тебе казалось, никто этого не заметит, что ли?

— Да нет, я этого не думал,— сказал он.— Но все-таки что говорит твой старик?

Репутация моего отца, которого считали непреклонным носителем справедливости, была высока в глазах Скотти.

— То есть я думаю — насчет пони?— пояснил он.

— Он сказал, что в таких случаях кто владеет чем-нибудь спорным, тот на девяносто процентов прав перед законом.

— А что это значит?

— Это значит, что у Джози пони есть, а у тебя нет. А это только и идет в счет... Что это у тебя там, в мешке?

У Скотти был с собой мешок. Он опустил его на землю и вынул большого лангуста.

— Хочешь его? — спросил он.

— Ты можешь продать его в пивную за десять шиллингов,— возразил я.

— Я не хочу идти в город,— ответил Скотти.— Могу обменять на твою рыбу. Я умею жарить рыбу.

— Ладно,— сказал я и отдал ему окуней и треску. Потом уложил лангуста в сумку, где у меня были припасы, стараясь не подставить пальцы под огромные цепкие клешни.

— Посмотри-ка! — сказал Скотти, показывая рукой за реку.

На дальнем берегу за высокими деревьями паслись пони Эллисона Айра. Они медленно бродили между деревьями, видимо, ища тени. Мы смотрели, как табун ходит за вожаком, как пони толкают и кусают друг друга и становятся на дыбы.

— Неужели ты не видел, что пони, который у нее,— это Тэфф?— вдруг спросил Скотти.— Ты не веришь мне, Кит?

Мне пришлось подумать с минуту.

— Поверю тогда,— сказал я,— когда буду знать, что Тэфф переплыл реку и пристал снова вон к тем диким. Иначе никак не выходит, что Бо — это Тэфф.

— Что же, и все другие так думают?

— Не знаю. Но я думаю так.

— А может быть, вовсе он и не приставал к дикому табуну?

— Тогда он не Бо, а Бо не он. Потому что ясно, что Бо привели неприрученным... А ты все еще так уверен, Скотти, что Тэфф не мог переплыть реку?

Скотти пожал плечами и ничего не ответил. Я удивился. Это пожатие плечами означало, что Скотти, быть может, стал сомневаться в своем твердом убеждении о водобоязни Тэффа. И теперь мне подумалось, что он ищет здесь, по всей реке, следы на том месте, где Тэфф мог перейти реку вброд.

— Ты не нашел места, где он мог перебраться через реку посуху, не замочив ног?

Он покачал головой, поднял свой мешок и сказал, что мы еще увидимся. И исчез в кустах.

В следующую среду Скотти пришел в школу, как и все мы. На нем была новая рубашка, вернее, незнакомая нам, должно быть, перешитая из женской блузы. Мать подстригла ему волосы в кружок, на ногах у него были серые носки и черные башмаки с толстыми подошвами и заплатами из той же автомобильной шины, что и у его матери. Никто не расспрашивал Скотти, не дразнил его. Да он едва ли стерпел бы насмешки и, как тигр с дерева, бросился бы на обидчика.

Скотти аккуратно ходил в школу. Когда кончались занятия, он шел через город не один, а со мной и Томом, спокойно, без прежних проказ, внезапных появлений и исчезновений.

— Он, наверно, болен,— сказал однажды Том, провожая глазами удаляющуюся по шоссе одинокую фигурку Скотти.

— Подожди, дай срок,— заметил я.— Прошло всего несколько дней...

Признаться, я был удивлен, когда Скотти в первый день спокойно и покорно явился в школу. Это показалось мне очень многозначительным, но о чем это говорило?

Вечером мы уже знали все. Отец сказал нам за ужином, что в ночь на субботу исчез Бо!

Том чуть не подскочил на стуле.

— Это сделал он!— закричал Том.— Старина Скотти!

— Кто и что сделал?— спросил нас отец после того, как отчитал Тома за неумение вести себя за столом.

Отец знал, конечно, о чем думал Том, но он никогда не бывал доволен, если ты не выскажешь, чтó у тебя на уме, ясно и отчетливо, чуть ли не на юридическом языке.

— Скотти Пири вернул себе своего пони,— торжественно объявил Том.— Бьюсь об заклад на что угодно!

— В этом доме ты не будешь биться об заклад — оставь эту австралийскую чепуху за дверью,— сказал отец. А сестра Джинни крикнула Тому, чтобы он успокоился и дал остальным послушать, что же произошло.

— Ну?— обратилась Джинни к отцу; ей одной в семье разрешалось спрашивать у отца о чем угодно.— Расскажи нам.

— Рассказать вам о чем? — проговорил отец, будучи уверен, как в суде, что внимание всех приковано к нему.— Все, что я знаю,— это то, что Эллисон Айр сегодня утром отправился в полицию и сообщил о пропаже пони. Вот и все.

— Но, наверное, есть еще что-нибудь!— настаивала Джинни.

— Пони, видимо, пропал на рассвете в субботу. Они искали его все воскресенье и понедельник, но не смогли найти в «Риверсайде». Поэтому Эллисон Айр передал дело сержанту Джо Коллинзу и попросил принять меры.

Снова мы нетерпеливо ждали продолжения, даже мать вместе с нами.

— Что же сделает сержант Коллинз?— спросила она.

— Какую-нибудь глупость, не сомневаюсь в этом.

— Поедет и сделает обыск на ферме Энгуса Пири?— догадался Том.

— Возможно.

— И они обвинят Скотти в краже лошади?— спросил я.

— Если найдут пони там.

— А пони заберут с собой?— поинтересовалась Джинни.

— Возможно...

Тут вопросы стали выскакивать из Тома, как из рога изобилия.

— Разве они могут явиться на ферму Пири и проделать все это? Разве может сержант Коллинз просто так взять и заявить Скотти: «Это пони Джози Айр»? И имеет ли он право увести пони и передать Айрам?

— Все это они, возможно, попытаются проделать,— сказал отец Тому.

— Значит, они обвинят Скотти в конокрадстве? — спросил я.

У каждого в нашей семье была уже кое-какая привычка к юридическому мышлению. Мы понимали, что означает обвинение в таком тяжелом преступлении, как конокрадство.

— Могут они и назвать его вором,— допустил отец, неторопливо раскладывая по тарелкам куски холодной телятины.— Но они покамест этого еще не сделали.

— Это нечестно!— возмутился Том.— Как могут они назвать его вором за то, что он вернул себе своего пони?

Я думаю, отца удивило, с какой настойчивостью и темпераментом мы выражаем свои чувства. Он положил нож и вилку и внимательно оглядел всех нас.

— Никто не вправе отнимать у Скотти пони, если это его пони,— сказал он наконец.— Об этом должен позаботиться закон, и это нетрудно сделать.

— Но как? — не отставал Том.

— Подождем — увидим,— сказал отец, и мы поняли, что разговор пока окончен.

Но я не мог на этом остановиться.

— Ты говорил, что владение спорным предметом — это девяносто процентов доказательства для закона,— заговорил я.— Но как же быть, если сейчас Скотти владеет пони?

Отец не отвечал. Он жевал телятину, челюсти его размеренно двигались, он смотрел прямо перед собой. Но я знал, что это не от отсутствия интереса. Все мы считали, что пони сейчас у Скотти, а раз по закону девяносто процентов в его пользу, то... И вдруг меня обожгла мысль: а не подтолкнул ли я Скотти к тому, чтобы увести пони из «Риверсайда», когда там, на острове, привел ему юридическую формулу моего отца?

На самом деле, однако, пони на ферме Энгуса Пири не оказалось. Сержант Джо Коллинз и Эллисон Айр приехали на ферму в «мармоне» хозяина «Риверсайда». Они, конечно, были уверены, что найдут Бо — или Тэффа — в загоне или в каком-либо сарайчике возле дома. Но нигде не было и следа пони. Да и не было никакого места вообще, где можно было бы его спрятать на этой ферме. Энгус Пири был в это

время в поле, и миссис Пири пригласила Коллинза и Айра зайти в дом. Они отказались. Эллисон был все же вежлив — потому что ему не требовалось быть невежливым; он просто расхаживал по ферме, ни о чем не спрашивая миссис Пири.

Энгус сам увидел издали машину Айра. Он воткнул лопату в иссохший грунт и пошел к дому.

— Что вам, пустозвонам, тут нужно? — проворчал Энгус, словно пес, защищающий свою конуру.

— Нам нужен пони, Энгус, — сказал сержант Коллинз.

За сорок лет своей жизни Энгус Пири, видимо, не раз сталкивался лицом к лицу с такой комбинацией, как сержант Коллинз и Эллисон Айр: деньги и закон были рядом.

— Какой пони? — спросил он.

— Пони моей дочери, — ответил Эллисон. — Ваш сын пытался две недели назад захватить его на сельскохозяйственной выставке. Вы, наверно, слышали об этом.

— Нет, никакого пони он сюда не приводил, — сказал Энгус; его худое, морщинистое лицо было теперь лицом старика — это сделали долги, выжимавшие из него все соки.

— Нехорошо прятать животное, — сказал сержант Коллинз. — Мы все равно найдем его.

Энгус потребовал, чтобы они убирались с его земли.

— Мы уйдем тогда, когда покончим с этим делом, — возразил сержант Коллинз. — Вы желаете еще обойти территорию фермы, мистер Айр?

— Не надо, Джо, — ответил Эллисон. — Очевидно, пони не здесь.

— Но Пири знает, где он, — настаивал Коллинз.

— Вы знаете, где находится пони? — обратился Эллисон к Энгусу.

Энгус Пири молча смотрел на него исподлобья и не отвечал. Они так и стояли друг против друга, а миссис Пири застыла на ступеньках крыльца с какой-то тряпкой в руках.

— Вы глупец, Энгус, — заговорил наконец Коллинз. — Если я найду спрятанного пони, я арестую вас. И вашего парнишку тоже.

— Оставьте в покое ребенка, — поднял глаза на Коллинза Энгус. — И уходите прочь с моей земли, и пусть дьявол подарит вам попутный ветер...

Скотти не знал, что это означает, и не любил этих шотландских словечек отца; но он решил, что Энгус нарочно пустил сейчас в ход одно из них.

Уходя вместе с Эллинсом, Джо Коллинз пригрозил:

— Мы еще встретимся, Энгус, будьте уверены!

Так началась тяжба между Скотти и Айрами. К концу недели шли уже повсюду в городе споры: справедливо или нет обвинение Скотти в похищении пони у Джози Айр. Если Скотти увел пони, где же он прячет его? А о лошадке не было ни слуху ни духу. Сержант Коллинз, обыскавший не только ферму Пири, но и все соседние фермы, не нашел следов пропавшего пони.

— Послушай, Скотти, — приставали теперь к нему не только в школе, но и на улице, когда он шел домой. — Взял ты пони или не брал?

— Не суйте нос не в свое дело, — был хмурый ответ Скотти.

Он не обращал всего этого дела в шутку, и нам казалось, что он и впрямь где-то укрывает Бо. В зарослях были сотни местечек для этого. Но, конечно, обнаружить пони было для полиции вместе с Айром только делом времени.

И мы в школе пустились в рассуждения о том, как все-таки Скотти сумел стащить Бо. В том, что это сделал он, никто из нас больше не сомневался. Говорили в городе, что один из гуртовщиков Эллисона Айра видел ночью какого-то низкорослого человека у реки возле «Риверсайда» незадолго до того, как пропал Бо. Первой заметила его собака гуртовщика, она залаяла, и неизвестный тут же бросился в воду и поплыл к другому берегу. Гуртовщик рассказал об этом хозяину, но все понимали, что это мог быть просто прохожий, испугавшийся собаки.

Один из школьников, Питер Пэллен, сын владельца гаража, сказал:

— Все ясно. Он пробрался на ферму Айра, переплыв реку. Только — где?

— Скотти знает много удобных мест, — откликнулся Том.

— Ну, а потом что? Как же он пролез в загон, где держали Бо? Это всего в полсотне шагов от дома. Да еще собаки.

Мы исследовали вопрос вдоль и поперек, и наконец было решено, что Скотти переплыл реку против течения и проделал немалый кружной путь, чтобы зайти к ферме Айров с тыла. Невдалеке от дома действительно был большой загон, в котором содержались лошади. Тогда, соображали мы, Скотти взял одну из лошадей (конечно, прирученных, это было нетрудно), вымазал себя лошадиным навозом, чтобы обмануть собак, и, незамеченный, прошел с лошадью к ограде, возле которой отдельный загончик был отведен для Бо.

Пока все у нас шло очень легко и стройно. Но остальное изобразить было много труднее, и у нас начались серьезные разногласия — насчет того, как же Скотти приманил Бо и, главное, как вывел его наружу. Большинство согласились на том, что Скотти захватил с собой уздечку Тэффа, накинул ее на Бо и увел. Вытащив из загородки планку в дальнем углу, он заставил Бо пройти в открывшийся лаз. Потом поставил планку на место и дал тягу.

— А как же он тогда переправил пони через реку?

Это-то и был вопрос, на который не находилось ответа. Да и попытки его решить только усугубляли разногласия. Если Скотти удалось уговорить пони ступить в воду и перебраться через реку, тогда Бо не был Тэффом. Мы ведь знали, что Тэфф и вода — вещи несовместимые.

— Ты все сам только путаешь, — обратился ко мне Боб Батчер, наш «профессор» и шахматный чемпион. — Это потому, что твой старик — юрист.

Возможно, что я и путал. Но, как мой отец, я любил, чтобы на каждый вопрос был ответ.

Была еще одна-единственная возможность: Скотти нашел брод в реке, и пони перешел ее. В конце лета, когда вода была низка, у нас даже был такой спорт: перебраться через реку, не замочив ступней. Но хотя я знал несколько сухих переправ на малой реке, я не встречал таких на большой. И тут я вспомнил, как Скотти запнулся и замолчал, когда на острове стал говорить что-то о перемене места для рыбной ловли: может быть, то место, которое он собирался показать мне, было поблизости от найденного им брода?!

— Я пойду туда и погляжу, — сказал я Тому, поделившись с ним тем, что произошло у нас со Скотти на острове.

Но Том стал возражать:

— Если это место можешь найти ты, то и всякий другой может его найти. Лучше об этом молчать. И даже не думать.

— Полиция все равно будет шарить повсюду, — не соглашался я. — Так зачем же устраивать из этого тайну?

— Ты окончательно спятил! — гневно крикнул Том. — Ты хочешь выдать Скотти сержанту Коллинзу.

В конце концов мы решили, что я не раскрою секрета Скотти, если даже отыщу то место.

Между тем полиция продолжала поиски пони, укрываемого, по ее мнению, маленьким похитителем. И тут-то в дело вступил мой отец.

Однажды сержант Коллинз явился в школу, вызвал Скотти из класса, отвел его в полицейский участок и учинил двухчасовой допрос. В итоге он объявил Скотти, что тот предстанет перед судом по подозрению в краже пони, укрывательстве такового и противодействии полиции при исполнении ею служебных обязанностей. «Противодействие» Скотти заключалось в том, что он просто пытался вырваться и удрать от Коллинза еще по дороге из школы в участок и, кажется, пнул при этом сержанта.

Сержант Коллинз отвез Скотти на ферму и там изложил его отцу обвинение против сына. И так как в городе не нашлось никого из юристов, кто взялся бы за столь безнадежное дело, Энгус Пири обратился к моему отцу.

Продолжение следует.

Перевел с английского Л. Чернявский.

...И ВОКЗАЛЬНЫЙ РЕСТОРАН

Поезд № 92 Москва — Караганда. Остановка в Целинограде. Кафе № 1 железнодорожного ресторана. Буфетчица — Е. И. Митрохина.

— Стаканчик чая и...

— А нету чая-то, — говорит Екатерина Ивановна.

— Тогда, пожалуйста, кофе.

— А кофе нету. Кипятильники не работают!

— Пусть будет молоко! — согласился я.

Молока тоже не было. Был, правда, компот, но открывать из-за одного стакана трехлитровую бутыль Екатерине Ивановне не захотелось.

Рядом киоск, тоже, к слову, как и кафе № 1, призванный осуществлять заботу о пассажире. Стучим в окошечко, задернутое занавеской. Такая бесцеремонность сердит продавщицу В. Ахметову.

— Неужели вы не видите, что идет уборка? — спрашивает она.

Но почему уборку нужно производить в рабочие часы?

На следующий день утром я подошел к кафе «Снежинка». Дверь была заперта, хотя кафе должно было открыться 45 минут тому назад. Был закрыт и киоск, где продавцом Гудковская. В чем дело? «Ходила в бухгалтерию, выписывать ценники». В другом киоске, работающем с девяти утра, продавец Рейзых в 10 часов «принимала товар». В третьем — продавец Аникеева — после обеденного перерыва окошечко открылось с заметным опозданием. Пятнадцать человек ждали ее 20 минут. $20 \times 15 = 300$ минут, пять часов. Простая, но невеселая арифметика. Причина?

— А я на обед позже закрылась!

В пять часов вечера — за четыре часа до положенного срока! — закрылись двери в павильоне «Ветерок» (он на вокзальном перроне). «Открою, когда поезд придет, — объяснила продавец Кузнецова. — И вообще-то директор ресторана сказал: как стемнеет, так и закрывай».

Я попросил разъяснений у директора ресторана станции Целиноград М. М. Сыщенко — все эти торговые точки в его ведении.

— Налицо явное нарушение правил торговли и дисциплины, — ответствовал Митрофан Михайлович. — Вот ведь, — продолжал он, словно ища сочувствия и поддержки, — сидят на планерках, слушают, как их критикуют, соглашаются, а потом опять все идет по-старому. А уследить за всеми трудно.

— Но будут приняты какие-нибудь меры?

— А как же! — встрепенулся директор. — Я их соберу и такую головомойку устрою!..

На следующий день директор действительно метал громы и молнии на нерадивых продавцов, а еще через день я снова, побывав в его владениях, обнаружил, что Гудковская открыла свой киоск позже на пятьдесят минут — «ходила деньги сдавать»... «Ветерок» в рабочие часы опять закрыт. Киоск № 3 закрыт, как и его соседи по вокзальной площади...

Мы говорим: точность — это вежливость. Видимо, в целиноградском вокзальном ресторане забыли об этом. Коэффициент вредного действия такой забывчивости — потерянные часы и минуты. И испорченное настроение.

Б. ТОКАРЕВ

Целиноград.

ВЕЛИКАН

«В области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись, оригинальную музыку, которой восхищается весь мир... Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звука, красок.

Радостно до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их».

М. Горький

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

В конце XIX века на живописном небосводе России, обильно населенном звездами и планетами разной величины, взошло светило силы необычайной.

Суриков... Создатель грандиозных картин-эпопей, шекспировских по накалу страстей и мощи характеров героев. Его монументальные полотна необъятны, как мир!

В них мы слышим говор тысячных толп, грохот сражений, в них гудит набат и раздаются стоны мятежных стрельцов. До нашего слуха доносятся вольные песни разинских ватаг и звон цепей опальной боярыни Морозовой. Мы любуемся богатырской красой русской природы, ширью могучих рек, напевной удалью былинных сказов.

Глядя на полотна Сурикова, мы ощущаем истинного героя истории — Народ! Явственно, без единой утайки показывает нам мастер всю драматичность, порою трагедийность страниц летописи. Всю меру страданий людских.

«Что развивается в трагедии? Какая цель ее?» — спрашивал Пушкин. И отвечал: «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная». Поэт мечтал: «Бог даст, мы напишем исторический роман, на который чужие полюбуются».

Суриков исполнил завет великого поэта, он оставил потомкам широкую панораму истории России. Выразил пластически, ярко, объемно главное действующее лицо этой грандиозной эпопеи. Не грозных царей, не самодержавных благодетелей, не государей победоносных. «Я все народ себе представлял, — говорил художник, — как он волнуется, подобно «шуму вод многих».

Океан... Вот слово, которое невольно приходит на ум, когда вспоминаешь глубину и размах исторических прозрений Сурикова, когда перед мысленным взором проходят его симфонические по звучанию холсты.

Впервые в русском да и, пожалуй, в мировом искусстве хозяином картины стал народ! И в этом поистине новаторская роль Сурикова. Мастер развернул перед зрителем вместо привычных банальных исторических полотен, изготовляемых по шикарно-помпезной рецептуре европейских салонов либо по канонам выхолощенного академизма, новую красоту народного эпоса, глубоко чуждого лакированным и ходульным картинам признанных корифеев.

Подвиг. Иначе не обозначить многолюдные полотна Сурикова. Это титанический труд, которого с лихвой хватило бы на творческую жизнь доброго десятка художников. Но это еще и подвиг первопроходца, преодолевшего косность и реакционность монархического аппарата, свято охранявшего принципы создания псевдоисторических картин, восхвалявших царизм.

Пораженный зритель увидел впервые не костюмированных натурщиков, изображавших ту или иную сцену из жизни государей и его верноподданных, не привычных статистов, наряженных в стиле «рюсс», нарумяненных и напомаженных. Нет. В тихую заводь официальной исторической живописи ворвались простые люди суриковских полотен, обрушился рев толпы народной, перед зрителем предстала сама правда истории. Надо было обладать силой богатырской, чтобы преодолеть, разрушить пошлый, мещанский историзм заказной живописи, угождавшей вкусам власть предержащих. На голову рутинеров обрушилась лавина образов, созданных мастером, не только владевшим колоритом, пластикой, композицией, восходящими к самым вершинам мирового искусства, но и живописцем-драматургом, сумевшим в своих поистине шекспировских произведениях создать картины, глубочайшие по психологическим контрастам и пониманию истории, где с невероятной первозданной силой он заставил жить и действовать десятки, сотни людей.

Репин взволнованно рассказывает об ощущении, которое получал зритель:

«Впечатление от картины так неожиданно и могуче, что даже не приходит на ум разбирать эту копошащуюся массу со стороны техники, красок, рисунка. Все это уходит как никчемное; и зритель ошеломлен этой невидальщиной. Воображение его потрясено...»

Прозрение... Лишь так можно расценивать умение Сурикова проникнуть в самую суть, самую толщу истории, умение так свежо и честно рассказать о полюбившихся ему героях.

Подлинность суриковских полотен заложена в самой биографии художника, прибывшего в Петербург из далекого далека — Сибири. Там, в краю своего детства, в Красноярске, он получил ту жизненную школу, которая помогла ему создать истинно народные шедевры.

Поэт Максимилиан Волошин говорил: «В творчестве и личности Василия Ивановича Сурикова русская жизнь осуществила изумительный парадокс: к нам в двадцатый век она привела художника, детство и юность которого прошли в XVI и в XVII веке русской истории».

Вот что рассказывает нам сам живописец:

— А первое мое воспоминание — это как из Красноярска в Торгошино через Енисей зимой с матерью ездили. Сани высокие. Мать не позволяла выглядывать. А все-таки через край посмотришь: глыбы ледяные столбами кругом стоймя стоят, точно дольмены. Енисей на себе сильно лед ломает, друг на друга их громоздит...

В баню мать меня через двор носила на руках. А рядом у казака Шерлева медведь был на цепи. Он повалил забор и черный, при луне, на столбе сидит...

Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства, она же дала мне дух, и силу, и здоровье.

Жестокая жизнь в Сибири была. Совсем XVII век. Кулачные бои, помню, на Енисее зимой устраивались. И мы мальчишками дрались. Уездное и духовное училища были в городе, так между ними антагонизм был постоянный. Мы всегда себе Фермопильское ущелье представляли — спартанцев и персов. Я Леонидом Спартанским всегда был.

...Мощные люди были. Сильные духом. Размах во всем был широкий. А нравы жестокие были. Казни и телесные наказания на площадях публично происходили. Эшафот недалеко от училища был. Там на кобыле наказывали плетьми. Бывало, идем мы, дети, из училища. Кричат: «Везут, везут!» Мы все на площадь бежали за колесницей... И сила какая бывала у людей: сто плетей выдерживали, не крикнув... Помню, одного драли: он точно мученик стоял, не крикнул ни разу. А мы все — мальчишки — на заборе сидели... А один... храбрился, а после второй плети начал кричать. Народ смеялся очень...

В Сибири народ... вольный, смелый... Про нас говорят: «Краснояры сердцем яры».

И, резюмируя, с гордостью Суриков писал:

«Род мой казачий, очень древний. Уже в конце XVII столетия упоминается наше имя (история Красноярского бунта...)».

Формирование таланта русских художников превосходно описано Белинским:

«Возьмем поэта русского: он родился в стране, где небо серо, снега глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лето знойно, земля обильна и плодородна: разве все это не должно положить на него особенного характеристического клейма? Он в младенчестве слышал сказки о могу-

В. Суриков. 1848—1916. УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ. 1881. Деталь.

Государственная Третьяковская галерея

В. Суриков. МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ. 1883. Детали.

Государственная Третьяковская галерея

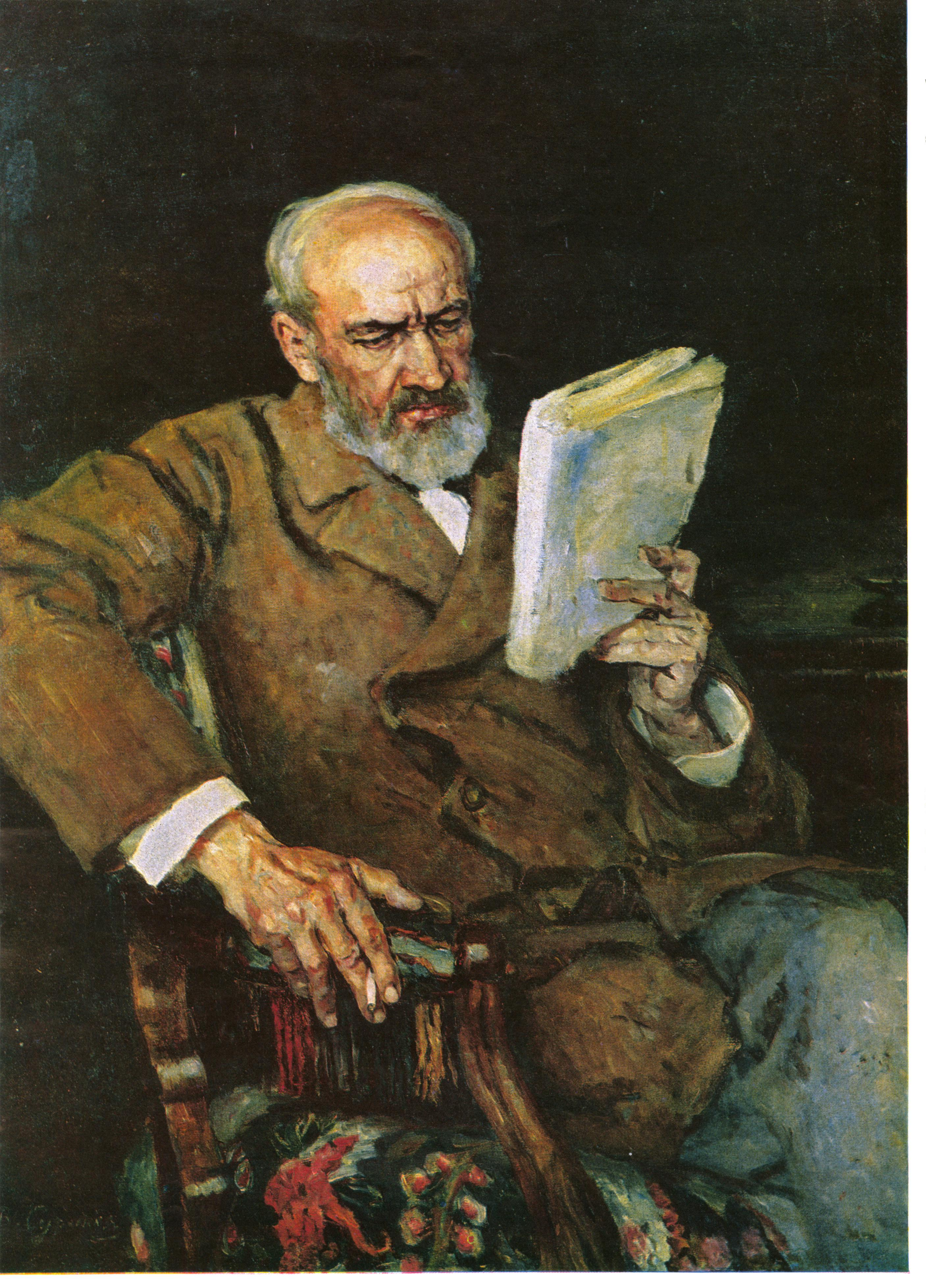
В. Суриков. ГОРОЖАНКА. ПОРТРЕТ А. И. ЕМЕЛЬЯНОВОЙ. 1902. Государственная Третьяковская галерея.

В. Суриков. ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА. 1891.

Государственный Русский музей.

В. Суриков. ПОРТРЕТ ДОКТОРА А. Д. ЕЗЕРСКОГО. 1911.

Частное собрание

В. Суриков. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. 1887. Деталь.

Государственная Третьяковская галерея

В. Суриков. СТЕПАН РАЗИН. 1907.

Государственный Русский музей

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ. 1895. Деталь.

чих богатырях, о храбрых витязях, о прекрасных царевнах и княжнах, о злых колдунах, о страшных домовых; он с малолетства приучил свой слух к жалобному, протяжному пению родных песен; он читал историю своей родины, которая не похожа на историю никакой другой страны в мире...»

Однако наивно было бы предполагать, что картины Сурикова появились в результате некоего колдовского наития или родились под влиянием интуитивных движений души сибирского самородка. Творчество Сурикова — драгоценный сплав русской, правдивой, горячей души, огромного труда, культуры, жизненного опыта.

Молодой Суриков, пройдя через горнило школы Чистякова, глубоко и жадно изучал творения мастеров Возрождения. Он восторгался кистью Веронезе, Тинторетто и Тициана. Но не только восхищался. Он изучал колорит их полотен. Учился у них великому умению населять холсты десятками, сотнями людей. Он дотошно исследовал законы композиции их картин.

Посещая музеи Европы, молодой мастер проводил часы перед шедеврами Рембрандта и Веласкеса, пытаясь проникнуть в тайны их мастерства. Нельзя без волнения читать строки из писем Сурикова своему учителю Чистякову:

— Я хочу теперь сказать о картине Веронеза «Поклонение волхвов» — какая невероятная сила, нечеловеческая мощь могла создать эту картину? Ведь это живая натура, задвинутая в раму... Видно, Веронез работал эту картину... без всякой предвзятой манеры, в упоении восторженном. В нормальном, спокойном духе нельзя написать такую дивную по колориту вещь. Хватал, рвал с палитры это дивное мешаво, это бесподобное колоритное тесто красок...

У них есть одна вещь, я ее никогда не забуду,— есть Рембрандт (женщина в красно-розовом платье у постели), такая досада — не знаю, как она в каталоге обозначена. Этакого заливного тона я ни разу не встречал у Рембрандта. Зеленая занавесь, платье ее, лицо ее по лепке и цветам — восторг. Фигура женщины светится до миганья. Все окружающие живые немцы показались мне такими бледными и несчастными...

...Кто меня маслом по сердцу обдал, то это Тинторетто. Говоря откровенно, смех разбирает, как просто, неуклюже, но как страшно мощно справлялся он с портретами своих краснобархатных дожей, что конца не было моему восторгу. Ах какие у него в Венеции есть цвета его дожеских ряс, с какой силой вспаханных и проборонённых кистью... После его картин нет мочи терпеть живописное разложение.

Далее Суриков пишет о портрете Веласкеса Иннокентия X в палаццо Дорио: «Здесь все стороны совершенства есть — творчество, форма, колорит, так что каждую сторону можно отдельно рассматривать и находить удовлетворение. Это живой человек... Для меня все галереи Рима — это Веласкеза портрет. От него невозможно оторваться. Я с ним перед отъездом из Рима прощался, как с живым человеком».

Суриков был человеком высокой культуры. Известна его любовь к музыке. Еще юношей он превосходно играл на гитаре, любил петь старинные песни, позже он стал играть на фортепиано. Охотно посещал концерты, где исполняли Бетховена, Баха, Шопена. Мастер глубоко изучал эпические строки Гомера, пристально вчитывался в романы Бальзака. Он учился всю жизнь. Вот письмо, датированное 1912 годом:

«Я очень был удивлен, что вы уехали, не сказав ни здравствуй, ни прощай своему лучшему другу. Нехорошо, нехорошо! Ну, как вы устроились в Париже?.. Должно быть, как у вас хорошо. Ходите в Люксембургский музей? Какие там дивные вещи из нового искусства! Монэ, Дега, Писсарро и многие другие.

Лена вам кланяется. Напишите подробно. Ваш В. Суриков».

Читая эти строки, становится совершенно ясно отношение прославленного русского художника к творчеству французских импрессионистов. Впрочем, самое беглое изучение творчества Сурикова обнаружит его глубокое знание законов пленэра, открытых в свое время французами. Кстати, было время, когда Сурикова пытались представить как некоего столпа «расейской школы» с весьма ограниченными вкусами. Это неправда. ...Сетуя по поводу бедности колорита передвижников и мечтая об обогащении скупой, порою ограниченной палитры своих товарищей, Крамской призывал: «Нам непременно нужно двинуться к свету, краскам и воздуху, но... как сделать, чтобы не растерять по дороге драгоценнейшее качество художника — сердце».

Суриков первый гениально решил эту задачу в своих полотнах.

«На снегу писать — все иное получается. Вон пишут на снегу силуэтами,— говорил Суриков.— А на снегу все пропитано светом. Все в рефлексах лиловых и розовых, вон как одежда боярыни Морозовой — верхняя, черная; и рубаха в толпе. Все пленэр. Я с 1878 года уже пленэристом стал: «Стрельцов» также на воздухе писал.

Все с натуры писал: и сани, и дровни. Мы на Долгоруковской жили (тогда ее еще Новой Слободой звали)... Там в переулке всегда были глубокие сугробы, и ухабы, и розвальней много. Я все за розвальнями ходил, смотрел, как они след оставляют, на раскатах особенно. Как снег глубокий выпадет, попросишь во дворе на розвальнях проехать, чтобы снег развалило, а потом начнешь колею писать.

И чувствуешь здесь всю бедность красок!»

Это стремление великого мастера к постоянному изучению современного искусства станет еще понятнее, если мы ознакомимся с открытым письмом Сурикова, появившимся в газете «Русское слово» 4 февраля 1916 года по поводу новой экспозиции картин в Третьяковской галерее, сделанной И. Э. Грабарем и освистанной и осмеянной рутинерами.

«Волна всевозможных споров и толков, поднявшаяся вокруг Третьяковской галереи, не может оставить меня безучастным и не высказавшим своего мнения. Я вполне согласен с настоящей развеской картин, которая дает возможность зрителю видеть все картины в надлежащем свете и расстоянии, что достигнуто с большой затратой энергии, труда и высокого вкуса. Раздавшийся лозунг «быть по-старому» не нов и слышался всегда во многих отраслях нашей общественной жизни.

Вкусивший света не захочет тьмы.

В. Суриков».

Однако нам пора вернуться почти на сорок лет назад, когда Суриков заявил о себе первым шедевром...

Вот несколько строк из истории создания картины, рассказанной самим автором:

— ...«Стрельцы» у меня в 1878 году начаты были, а закончены в восемьдесят первом... Я в Петербурге еще решил «Стрельцов» писать. Задумал я их, еще когда в Петербург из Сибири ехал. Тогда еще красоту Москвы увидал... В Москве очень меня соборы поразили. Особенно Василий Блаженный: все он мне кровавым казался... Как я на Красную площадь пришел — все это у меня с сибирскими воспоминаниями связалось... Когда я их задумал, у меня все лица сразу так и возникли... Помните, там у меня стрелец с черной бородой — это Степан Федорович Торгошин, брат моей матери. А бабы — это, знаете ли, у меня в родне были такие старушки. Сарафанницы, хоть и казачки. А старик в «Стрельцах» — это ссыльный один, лет семидесяти. Помню, шел, мешок нес, раскачивался от слабости — и народу кланялся. А рыжий стрелец — это могильщик, на кладбище я его увидал. Я ему говорю: «Поедем ко мне — попозируй». Он уже занес было ногу в сани, да товарищи стали смеяться. Он говорит: «Не хочу». И по характеру ведь такой, как стрелец. Глаза глубоко сидящие меня поразили. Злой, непокорный тип. Кузьмой звали. Случайность: на ловца и зверь бежит. Насилу его уговорил. Он, как позировал, спрашивал: «Что, мне голову рубить будут, что ли?» А меня чувство деликатности останавливало говорить тем, с кого я писал, что я казнь пишу.

А дуги-то, телеги для «Стрельцов» — это я по рынкам писал... На колесах-то грязь. Раньше-то Москва немощеная была — грязь была черная. Кое-где прилипнет, а рядом серебром блестит чистое железо... Всюду красоту любил.

«Отвлеченность и условность — это бичи искусства»,— любил говорить художник.

И живописец всеми своими творениями с первых шагов утверждал полнокровное, реальное ощущение жизни. В его полотнах мы слышим, как бурлит кровь в жилах сильных людей, как сверкают полные ненависти и любви глаза его героев. Глядя на его холсты, словно дышишь самим воздухом тех годин, словно видишь самую жизнь народную.

«Утро стрелецкой казни»... Красная площадь. Хмурое утро. Вот-вот наступит день. Страшный день... Людно. Толпы зевак заполонили Лобное место, забрались высоко на шатровые башни. Давятся, глазеют. Брезжит белесый свет. Неяркое солнце бессильно пробить свинцовый полог осеннего неба. Кружит, кружит воронье. Чует поживу. У подножия Василия Блаженного в сизой, черной слякоти на телегах стрельцы. Бунтовщики. Их ждет неминуемая, лютая казнь... Застыли зеваки. Огромная площадь притихла. Лишь слышен сухой лязг сабли преображенца да тяжелая поступь ведомого на смерть стрельца. Ни стонов, ни вздоха. Только живые, трепетные огоньки свечей напоминают нам о быстротечности последних зловещих минут...

Крепко сжал в могучей длани свечу рыжий стрелец в распахнутой белой рубахе. Непокорные кудри обрамляют бледное, исступленное лицо. Жестокие пытки не сломили его. Непокоренный, яростный, он вонзил свой гневный взор в бесконечно далекого, окруженного свитой и стражей Петра. Царь видит его... И этот немой, полный ненависти диалог среди бушующего моря страстей человеческих страшен.

Скрипнуло колесо телеги. Звякнула алебарда. Всхрапнул конь. Завыла молодуха. Всхлипнул малыш. И снова коварная тишина на миг объяла площадь. Только вороний грай продолжает терзать души еще живых в этот последний миг перед бездной...

Репин первый оценил «Стрельцов». Он сказал автору: «Впечатление могучее».

Третьяков написал Репину в Петербург, где на IX выставке передвижников экспонировалось «Утро стрелецкой казни», письмо, где спрашивал: «Очень бы интересно знать, любезнейший Илья Ефимович, какое впечатление сделала картина Сурикова на первый взгляд и потом?»

«Могучая картина»,— вновь повторил Репин в ответном письме.

Но были мнения иные...

«Критикуют рисунок,— писал Репин Сурикову,— и особенно на Кузю (рыжего стрельца) нападают, ярее всех паршивая академическая партия... Чистяков хвалит. Да все порядочные люди трогны картиной».

Третьяков купил полотно. Учитель Сурикова Чистяков благодарит его:

«Радуюсь, что вы приобрели ее, и чувствую к вам искреннее уважение и благодарность. Пора и нам, русским художникам, оглянуться на себя; пора поверить, что и мы люди...»

«Утро» вызвало бурю на страницах тогдашней прессы! Нет нужды отводить здесь много места всему потоку хулы и брани, который опрокинули на молодого мастера рецензенты из реакционных газет. Приведем лишь строки из черносотенной, монархической газеты «Русь», органа реакционных славянофилов:

«Явная тенденциозность сюжета этой картины вызвала громкие и единогласные похвалы «либеральной прессы», придавшей казни стрельцов г. Сурикова «глубокий, потрясающий, почти современный смысл» и считавшей ее... чуть ли не самой лучшей картиной на всей выставке... между тем она полна столь грубых промахов, что ее на выставку принимать не следовало. Уже выбор самого сюжета... свидетельствует о раннем глубоком развращении художественного вкуса у этого художника, впервые выступающего на поприще искусства».

Великолепно ответил на выступление газеты «Русь» Репин. Вот что он писал Стасову:

«Прочтите критику в газете «Русь»... Что за бесподобный орган! «О, Русь! Русь! Куда ты мчишься?!!» Не дальше, не ближе, как вослед «Московских ведомостей», по их проторенной дорожке. «Пре-ка-за-ли», вероятно. Нет, хуже того,— это серьезно убежденный холоп по плоти и крови».

Либеральная газета «Порядок» писала о подобных выступлениях:

«Жалка та часть русской прессы, которая в такое и без того неспокойное время не находит ничего лучшего, как указывать пальцами на

не повинных ни в чем людей и по своему произволу приравнивать их к числу «сомнительных».

Но дело, как говорится, было сделано. Шедевр Суриковым был создан. И волей-неволей приходилось признавать победу молодого живописца-реалиста над салонными корифеями.

«После Сурикова работы Неврева в историческом роде кажутся бледными, раскрашенными безвкусно литографиями».

Это была победа! Победа правды над фальшью и банальностью...

Суриков необычайно мучительно, долго работал на композицией своих полотен. Вот слова, которые хоть немного раскрывают этот тяжкий труд:

— Главное для меня композиция. Тут есть какой-то твердый, неумолимый закон, который можно только чутьем угадать, но который до того непреложен, что каждый прибавленный или убавленный вершок холста или лишняя поставленная точка разом меняет всю композицию... В движении есть живые точки, а есть мертвые. Это настоящая математика. Сидящие в санях фигуры держат их на месте. Надо было найти расстояние от рамы до саней, чтобы пустить их в ход. Чуть меньше расстояние — сани стоят. А мне Толстой с женой, когда «Морозову» смотрели, говорят: «внизу надо срезать, низ не нужен, мешает». А там ничего убавить нельзя — сани не поедут.

Мастер далеко не всем показывал свои картины в процессе их создания, среди этих немногих был Лев Толстой. Вот строки из прекрасной книги внучки Сурикова Натальи Кончаловской «Дар бесценный», где она рассказывает о встрече двух великих художников:

«Утром к Суриковым зашел Толстой. В этот раз он был в просторной темной блузе, подпоясанной простым ремнем, в валенках, с которых он старательно сбивал снег в передней. Он вошел, отирая платком с бороды растаявший снег. И пахло от него морозной свежестью.

Лев Николаевич долго сидел в молчании перед картиной, словно она его захватила всего и увела из мастерской.

— Огромное впечатление, Василий Иванович! — сказал он наконец.— Ах, как хорошо это все написано! И неисчерпаемая глубина народной души, и правдивость в каждом образе, и целомудрие вашего творческого духа...

Толстой помолчал, потом, улыбнувшись и указав в правый угол картины, заметил:

— Я смотрю — мой князь Черкасский у вас оказался. Ну точь-в-точь он!..

— Вы же сами мне его сюда прислали, Лев Николаевич! — шутил Суриков.

— А скажите, как вы себе представляете,— Толстой быстро поднялся со стула,— стрельцов с зажженными свечами везли на место казни?

— Думаю, что всю дорогу они ехали с горящими свечами.

— А тогда руки у них должны быть закапаны воском, не так ли, Василий Иванович? Свеча плавится, телегу трясет, качает... А у ваших стрельцов руки чистенькие, словно только что свечи взяли.

Суриков оживился, даже обрадовался:

— Да, да! Как это вы углядели? Совершенно справедливо...

...Так порою рождались драгоценные детали картины, где «одна линия, одна точка фона и та нужна».

Прошло время... Суриков создает новый шедевр — «Боярыню Морозову». И снова новое полотно вызвало поток самых разительных по контрасту мнений.

«Боярыня Морозова». Жемчужина Третьяковской галереи. Одна из вершин нашей живописи. Картина, которой восторгаются миллионы зрителей, наших современников. Достаточно в любой день, в любой час прийти в Третьяковку, чтобы увидеть тысячную вереницу людей, благодарных и восхищенных мастерством художника, раскрывшего одну из страниц истории. Раскрывшего гениально!

...Но вернемся вновь в далекий 1887 год, когда Суриков впервые показал свой холст на XV выставке передвижников.

В те дни этот шедевр, равный по звучанию музыке «Бориса Годунова» и «Хованщины» Мусоргского, разделил, как это ни печально, судьбу всех новаторских произведений живописцев XIX века... Достаточно вспомнить хулу и осуждения, вызванные «Плотом «Медузы» Жерико или полотнами Делакруа и Курбе, чтобы установить некую преемственность воздействия талантливого нового на реакционные круги салонных рутинеров, угождавших вкусам власть предержащих.

«Боярыня Морозова»... Будто огромное окно распахнул мастер в сверкающую холодком, зимнюю, чарующую Русь. Всю радугу песенных красок — от червонных до бирюзовых и шафранных, от алых и багряных до кубового — синих и лазоревых — раскинул перед ошеломленным зрителем кудесник Суриков. Всю гамму сложнейших психологических состояний — от напряженной, исступленной ненависти до тихой грусти сострадания. Буйное веселье и злое ехидство. Веру и безверие. Тьму и свет. Добро и зло. Все это собрал художник и заключил в сверкающий оклад снежной красы. Строгой и многозвонной. Живописец недаром изучал полотна великих мастеров Ренессанса — Веронезе, Тинторетто и Тициана. Но они воспевали в своих холстах родную Италию.

Суриков нашел свой, единственный и неповторимый, серебряный ключ в решении грандиозной по сложности колористической задачи «Морозовой», ключ, до него небывалый. Он написал свой холст, изображающий древнюю Русь самым современным методом, приемом живописи, так называемым пленэром, открытым импрессионистами.

Вот это сочетание монументального по форме, силуэту, композиции холста, решенного в лучших традициях высокого Ренессанса, с современной реалистической пленэрной манерой живописи и создало тот неповторимый шедевр мирового искусства, который и вызвал на первых порах такой каскад противоречивых мнений.

Итак, обратимся к полосам газет и к строкам писем тех лет.

В печально известной газете «Новое время» некий А. Дьяков, отдав дань некоторым качествам «Морозовой», писал:

«Истории, точности факта художник пожертвовал всем: эстетическим чутьем, красотой произведения,— и картина вышла положительно грубою... Все грубо, топорно, дико...»

Читая эти строки, невольно вспоминаешь рецензии на великие творения Жерико, Делакруа, Курбе, Мане, напечатанные во французских газетах.

Но Дьяков идет дальше своих европейских коллег: он ставит под сомнение надобность писать правду.

«Но при всех несомненных и очень крупных достоинствах (не правда ли, какой изящный реверанс в адрес автора?) картина Сурикова невольно вызывает вопрос: следует ли писать историческую картину, строго придерживаясь данной эпохи... В интересах одной грубой правды».

Это великолепное по своей откровенности заявление «Нового времени» имеет мало равных в истории.

Но обратимся к мнениям других.

Стасов писал:

«Суриков создал теперь такую картину, которая, по-моему, есть первая из всех наших картин на сюжеты из русской истории. Выше и дальше этой картины и наше искусство, то, которое берет задачей изображение старой русской истории, не ходило еще... великие необыкновенные качества картины... увлекают воображение, глубоко овладевают чувством...

Сила правды, сила историчности, которыми дышит новая картина Сурикова, поразительны...»

И далее, разбирая достоинства картины, Стасов говорит:

«Нас не могут более волновать те интересы, которые двести лет тому назад волновали эту бедную фанатичку, для нас существуют нынче уже совершенно иные вопросы, более широкие и глубокие... Мы пожимаем плечами на странные заблуждения, на напрасные, бесцельные мученичества, но не стоим уже на стороне этих хохочущих бояр и попов... Нет, мы симпатичным взором отыскиваем в картине уже другое: все эти поникшие головы... сжатые и задавленные, а потому не властны они были сказать свое настоящее слово....

...Как во всем тут верно нарисована бедная, старая, скорбящая, угнетенная Русь...

...По-моему, еще мало удерживать свято и хранить нерушимо русские темы, задачи, характеры, физиономии: надо, чтобы и краска, и колорит, и воздух картины, и солнце, и мрак, и все, все было свои... Одним словом, надо, чтобы все наше художественное слово было столько же собственное, свое, нынешнее, как художественное слово, «речь» у Толстого во «Власти тьмы», у Пушкина в «Борисе Годунове», у Островского, Гоголя и т. д. Тут нет ничего чужого, никакой Европы, не то что уже в сюжетах и типах, но и в изложении речи, форме фраз и слов... Только Суриков и, может быть, Репин (после Перова и Федотова) избавились от греха иностранности».

Вскоре Стасов пишет Третьякову:

«Павел Михайлович!

Я вчера и сегодня точно как рехнувшийся от картины Сурикова! Только о том глубоко скорбел, что она к Вам не попадет, думал, что дорога при Ваших огромных тратах. И еще как тосковал!!! Прихожу сегодня на выставку и вдруг: «Приобретена П. М. Третьяковым». Как я Вам аплодировал издали, как горячо хотел бы Вас обнять».

Суриков оставил нам галерею чудесных портретов. В них нашла отражение вся его любовь к своему народу, к Родине.

— Каждого лица хотел смысл постичь,— рассказывал художник.— Мальчиком еще, помню, в лица все вглядывался — думал, почему это так красиво? Знаете, что значит симпатичное лицо? Это то, где черты сгармонированы. Пусть нос курносый, пусть скулы,— а все сгармонировано. Это вот и есть то, что греки дали — сущность красоты. Греческую красоту можно и в остяке найти... Женские лица русские я очень любил, не порченные ничем, нетронутые...

Особенно удался мастеру портрет Емельяновой. Это о ней мог бы сказать Некрасов:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

«Взятие снежного городка»... Послушаем, что рассказывает сам Суриков о создании этого полотна:

— И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел. Написал я тогда бытовую картину «Городок берут». К воспоминаниям детства вернулся, как мы зимой через Енисей в Торгошино ездили... За Красноярском, на том берегу Енисея, я в первый раз видел, как «городок» брали. Мы от Торгошиных ехали. Толпа была. Городок снежный. И конь черный прямо мимо меня проскочил, помню. Это, верно, он-то у меня в картине и остался. Я потом много городков снежных видел. По обе стороны народ стоит, а посредине снежная стена. Лошадей от нее отпугивают криками и хворостинами бьют: чей конь первый сквозь снег прорвется. А потом приходят люди, что городок делали, денег просить: художники ведь. Там они и пушки ледяные и зубцы — все сделают...

Донской казак Степан Тимофеевич Разин — «самое поэтическое лицо русской истории», говорил Пушкин.

«Степан Разин». Картина-песня. «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны» выплывает в вечность струг. Былинна, могуча на-

В. Суриков. ГОЛОВА РАЗИНА. Рисунок. 1910 г.

певность огромного полотна. Мажорной, светлой симфонией звучат краски холста.

Много пересудов и толков было вокруг этой замечательной картины. Ее причислили к неудачам Сурикова. И даже почти убедили в этом самого автора, хотя, впрочем, мастер написал брату:

«Картина находится во владении ее автора Василия Ивановича и должно быть перейдет в собственность его дальнейшего потомства. Ну, да я не горюю. Этого нужно было ожидать, а важно то, что я Степана написал! Это все...»

Надо еще раз вспомнить о времени, когда был создан холст,— 1907 год. Недавно отгремели баррикадные бои пятого года.

И поэтому слова «важно то, что я Степана написал» приобретают особый смысл. Герой народного восстания, его образ близок был Сурикову, потомку участников Красноярского бунта. И он считал своим долгом создать это полотно. Долгом гражданина.

Величаво выплывает по необозримой глади красавицы Волги струг Разина. Лебедиными крыльями взмахнули весла. Гудит тетивой натянутый парус. Атаман задумчив. Печаль омрачила его чело... Плещет волжская волна о борт струга, льется раздольная песня, звучат гусли.

Богатырская, удалая, редкая по поэтичности картина напоена светом свободы, радости бытия, борьбы.

Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Эта замечательная, глубокая мысль находит полное воплощение в том резонансе, который вызывали исторические полотна Сурикова у современников. В самом деле, почему полотна художника «Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова» воспринимались зрителями необычайно остро? Ведь казалось, что и действие и сюжет этих холстов принадлежат далекому прошлому. В чем дело? Дело в том, что картины Сурикова будили в людях ненависть к угнетению, рождали свободолюбие, желание борьбы с самодержавием.

Широко известны воспоминания старых революционеров о том, как они собирались в Третьяковке у картин «Утро стрелецкой казни», у репинских «Бурлаков» и «Ивана Грозного» и давали клятвы на верность в борьбе с царизмом.

А вот короткий рассказ самого Сурикова о встрече, происшедшей во время очередного путешествия по Сибири. Рассказ, говорящий об очень многом:

— Деревушка — несколько изб. Холодно, сыро. «Где,— спрашиваю,— переночевать да попить хоть чаю?» Ни у кого ничего нет. «Вот,— говорят,— учительница ссыльная живет, у нее, может, чего найдется». Стучусь к ней. «Пустите,— говорю,— обогреться да хоть чайку согреть». «А вы кто?» — спрашивает она. «Суриков,— говорю,— художник». «Боярыня,— говорит,— Морозова»? «Казнь стрельцов»? «Да,— говорю,— я». «Да как же это вы здесь?» «Да так,— говорю,— я тут как тут!» Бросилась она топить печь, мед, хлеб поставила, а сама и говорить не может от волнения.

Понял я ее и тоже вначале молчал. А потом за чаем так разговорились, что проговорили до утра.

Утром подошел пароход. Сел я на него, а она, закутавшись в теплую шаль, провожала меня. Пароход отошел. Утро серое, холодное, сибирское. Отъехали далеко, далеко, а она, чуть видно, все стоит и стоит одна на пристани. Да, тяжела была их жизнь в изгнании...

В книге «Запечатленный труд» знаменитая революционерка Вера Фигнер рассказывает, какое потрясающее впечатление в далекой ссылке произвела на нее гравюра, исполненная с картины «Боярыня Морозова»:

— Гравюра производила волнующее впечатление. В розвальнях, спиной к лошади, в ручных кандалах Морозову увозят в ссылку, в тюрьму, где она умрет. Ее губы плотно сжаты, на исхудалом, красивом, но жестком лице — решимость идти до конца: вызывающе... поднята рука, закованная в цепь... Гравюра говорит живыми чертами: говорит о борьбе за убеждения, гонении и гибели стойких, верных себе. Она воскрешает страницу жизни... 3 апреля 1881 года... Колесница цареубийц... Софья Перовская.

Такова сила истинного искусства, вызывающего поток ассоциаций, будящего мысль, зовущего к свету!

Так микеланджеловские «Рабы» становятся символами борьбы за свободу, так гойевские «Капричос» утверждаются на века грозным осуждением тирании и мракобесия, так «Свобода на баррикадах» Делакруа и герои эстампов Домье воспевают победу света над мраком, так и суриковские «Стрельцы», по существу, весьма далекие от идеи свержения царизма в России, объективно встали в ряд борцов с самодержавием. Такова логика бессмертной жизни истинно великих пластических образов.

Потому так бесконечно дорого и близко нам художественное наследие Сурикова, о котором мы с полным правом и гордостью можем повторить слова Владимира Ильича Ленина, сказанные им о Льве Толстом: «Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

Сегодня мы с особым радостным чувством в ряду с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Толстого, Достоевского и Горького, Глинки, Бородина и Мусоргского, Брюллова, Иванова и Репина называем имя великана русской живописи Василия Ивановича Сурикова, сто двадцать пять лет со дня рождения которого отмечает наш народ.

* * *

Взглянем на «Автопортрет» художника.

Словно в века вглядывается этот кряжистый, немолодой человек. Спокойствием, силой веет от открытого лица мастера. Шестьдесят пять лет за плечами. И каких лет! Чуть устало глядят на нас глаза, видавшие и триумфальные вернисажи с жаркими объятиями и лобзаниями, и газетные полосы, где, что ни строка, то яд змеиный... Глаза, не знающие покоя... Все видеть, объять, понять! Заметить вершковую погрешность в саженном холсте. Увидеть в толпе такую нужную, единственную, заветную натуру. Рассмотреть в массе знакомых — друга, товарища. Не проглядеть злодея.

Воля. Неодолимая, непреклонная в твердых скулах, в суровой линии рта, в самой осанке — неманерной, но гордой. Труд полувековой, непрестанный оставил на челе след забот каждодневных, неуемных... Это он промолвил как-то о своей работе:

— Если бы я ад писал, то и сам бы в огне сидел и в огне позировать заставлял...

В этом аду и раю творчества пробежали дни, полные до краев радостей взлета и горечи падений.

Три года осталось шагать художнику по этой грешной, такой любимой земле... Он не знает об этом. Мечтает переехать жить на родину, в Красноярск. Подальше от столичной суеты. Мечтает написать «Красноярский бунт». Полон замыслов «Пугачева». Через год, в 1914 году, он скажет о последнем путешествии по любимой Сибири:

«Сегодня по Енисею плавали на пароходе. Чудная, большая, светлая и многоводная река. Быстрая и величественная. Кругом горы, покрытые лесом. Вот если бы вы видели! Такого простора нет за границей...»

Далеко, далеко глядит в века этот предельно честный, простодушный, мудрый человек. Коренной сибиряк... Василий Иванович Суриков.

Хороша зима-матушка, коли сам ты духом и телом силен. Выйдешь утром из дому на свежий воздух, перехватит на миг дыхание, а потом уж полной грудью вбираешь эту живительную свежесть, и каждый мускул отзывается звонким звуком, словно туго натянутая струна, и ты готов горы свернуть, так легко и радостно шагается по хрусткому снежному простору. А кругом все белым-бело, и такой чистотой веет от природы, что и самому хочется очиститься от всего будничного, стряхнуть с себя последние пылинки осенней грусти и весело и беспечно затянуть во весь голос какую-нибудь задорную зимнюю песню. А их, песен этих, не счесть... Оно, конечно, верно, что вокруг все белым-бело, ан в песне-то поется: «Ой, да не белы снежки...» А почему ж они не белы? А потому, что снега белыми кажутся лишь тому, кто видеть не умеет, а кто глазом востер, тот всегда оттенок какой-либо на снегу узреет — то ли розовый, то ли голубой, то ли сиреневый... Снег ведь как все на свете — главное, как на него взглянуть... Так и зима. Для одного это просто холодное время года между осенью и весной, а для другого пора забав богатырских — снежных баталий, купаний в студеной проруби, полет с крутизны гор — все равно на лыжах ли, санках ли, главное, чтобы дух захватывало и в ушах свистело. Впрочем, и лирику зима впору — не грех залюбоваться тонким кружевом инея, хитрым рисунком льда на ставшей реке или простой снежинкой, не похожей ни на какую другую снежинку на свете. Лепясь одна к одной, они ложатся на землю теплой-теплой шубой и согревают зерно, что спряталось в борозде и сладко дремлет. Во сне ему видится трепетная весна и добротворное лето, когда предстоит тому зерну обернуться богатым урожаем и порадовать сеятеля за труды его...

Славное время — зима...

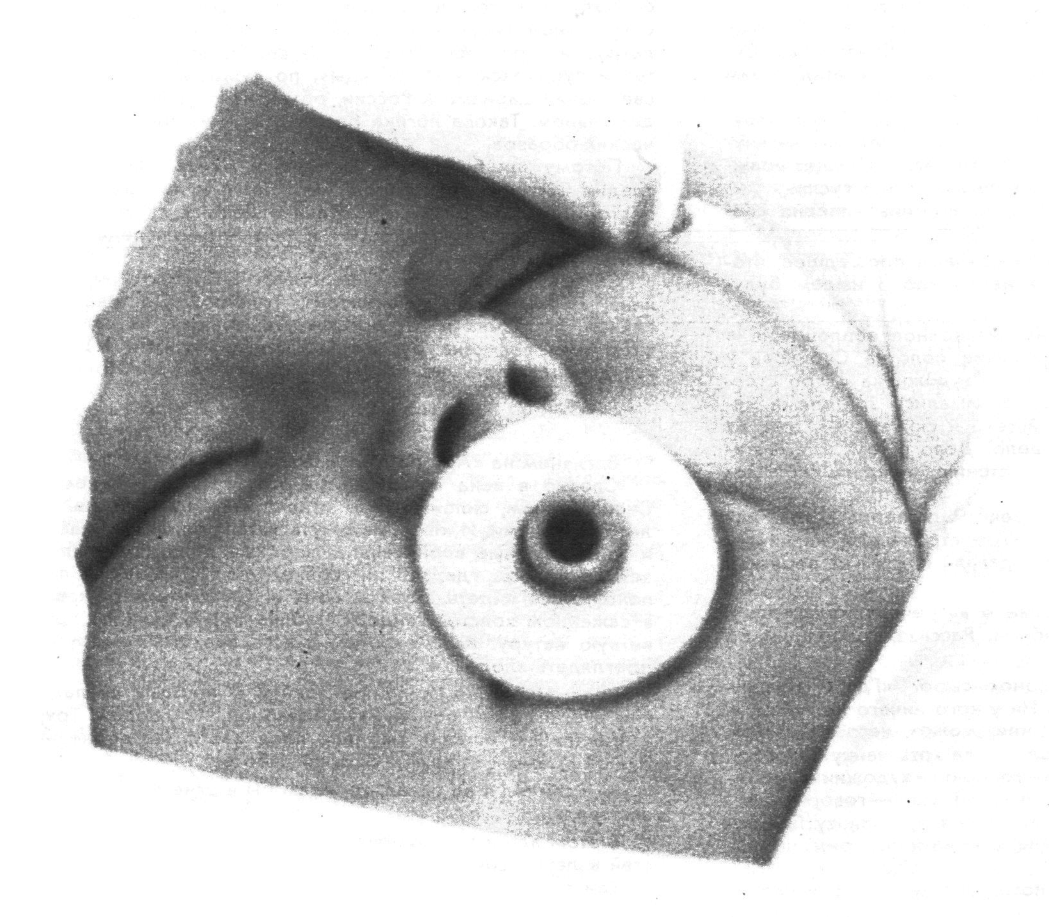

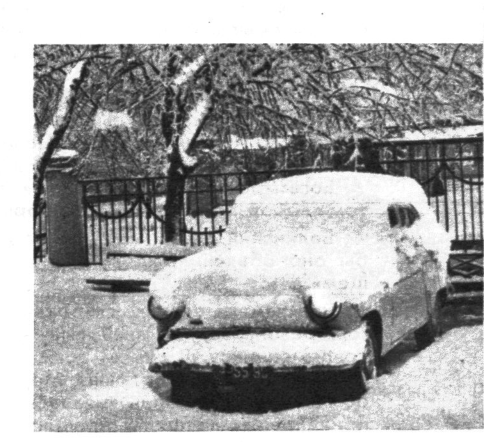
В обороне.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

СНЕЖНА

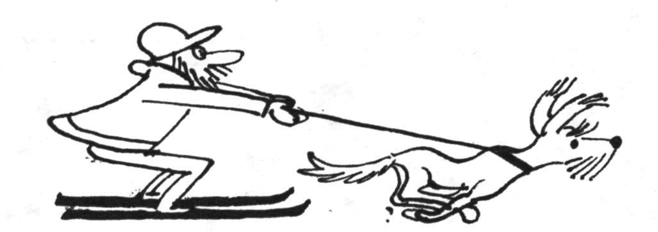

Автосугроб.

Дышим кислородом...

Запуржило, замело...

Лыжная суббота.

Куча мала!

Я, ХРУСТКАЯ...

Лесная сказка.

Коллективное творчество.

Дуэт.

Безмолвный концерт.

Нина ВЕЛЕХОВА

I

Есть актеры хорошие, есть очень хорошие, есть превосходные. А есть необыкновенные — в этом слове не похвала, но определение; к ним относится Мария Ивановна Бабанова.

В мире образов, созданных Бабановой на сцене, есть необыкновенность, хотя в этом мире все ясно, стройно и жизненно. Бабанова как будто напоминает нам о том, что и сама жизнь и сам человек не просты. Необыкновенны сила души, чувства человека, его разум и красота.

Есть разные мнения о методе и стиле игры Бабановой. Она поражает одних глубиной проникновения в человеческую психологию, других — виртуозным мастерством. Пишущие о ней стараются выделить преобладающее в ее искусстве, ревностно относя ее либо к разряду актеров переживания, либо называют ее мастером, так сказать, чистой воды. Но она необычна и здесь: среди актеров-«психологов» она всегда будет казаться слишком мастером, а среди мастеров будет чересчур эмоциональной. Когда-то Погодин, пораженный ее ранней работой — мальчиком-Боем в пьесе «Рычи, Китай!», писал: «И песенка стала песнью, и белый мальчик — монументом в искусстве». Была всего одна сцена, когда мальчик на палубе пел, прощаясь с жизнью. Осталась она в памяти как обобщение страдания народа.

Именно так остаются в истории ее роли — эти хрупкие, трепетные создания. В каждом из них не только чья-то одна жизнь. В них и общие, большие движения и противоречия.

Бабанова впитывала и отдавала жизнь во всех своих ролях, даже тех маленьких певиц и танцовщиц из буржуазных европейских кабаре, которых она играла в политических обозрениях, любимых Мейерхольдом («Д. Е.» «Озеро Люль»). Очень рано она овладела всем, что составляет театр, и в том числе непростым мастерством драматического характерного танца и песенки-этюда, внося в самый краткий сценический момент максимум пережитого. В «Великодушном рогоносце» — своей самой первой роли — какие глубины чувств открывала там, где никто и не мог этого ожидать,— в эпизодах либо открыто памфлетных, либо головоломно акробатических!.. Играя парадоксальный фарс, где ее героиня Стелла отдана на поругание, актриса заставила увидеть неразрешимость женской судьбы в буржуазном мире и склониться перед чистотой женского сердца.

Тогда думали, что Бабанова — актриса только эксцентрического театра.

Тем более неожиданно, полно оказалось ее перевоплощение в образы девушек нового, крепнущего социалистического мира. Не только обаяние чистоты, нетронутости было в ее Анке из «Поэмы о топоре». Стало ясно, что ей близка и понятна психология человека труда, что актриса свободно и легко «распоряжается» в новых «землях» советского искусства. Анка стала звеном в репертуаре Бабановой между Боем и Любой Шевцовой — образами протестантов и героев. Трагическая судьба Боя как будто получала здесь, в судьбе счастливой Анки, в сиянии ее синих глаз, свою награду. Голос Боя уже не плакал неизбывной тоской: он радовался в песенках Анки новому, неизмеренно огромному миру.

И вот из прошлого выходит мальчик Гога — роль в «Человеке с портфелем», одно из самых совершенных творений Бабановой. Малодушием матери Гога был заброшен в чужую страну, он эмигрант, и, вернувшись на родину, измученный мальчик трагически переживает свою отверженность. Незабываема тоненькая фигурка с движениями, в грации которых столько человеческого, одухотворенного страдания.

«Ромео и Джульетту» я видела много раз с участием Бабановой, в памяти сверкает эпизод встречи ее Джульетты с Ромео. Золотоволосая, она выходит в середину огромной залы, в сумрак средневековых сводов, и кажется, что она блистает во мгле, подобно алмазной серьге (как говорит Ромео) в ухе эфиопа... Она увидела Ромео, подняла свои сияющие глаза — и предвестие сокрушающих бурь охватило всех; действие в этот миг переломилось надвое... Она, казалось, легко переходила от одной роли к другой, хотя роли эти бывали крайне противоположны — от эксцентрики к бытовой драме и к классической трагедии... И каждый раз казалось, что ею пройдена специальная школа каждого сценического стиля.

Можно особо писать о пластическом решении ее ролей и о знаменитом бабановском голосе.

Дело даже не в том, что голос красив,— необычен диапазон его психологической выразительности. Подчиняя себе, голос переходит из высокого, нежного регистра в низкий, трагейно окрашенный. В нем переливы соловьиных трелей и резкость крика лебедя. Сейчас переходы стали более плавными, когда-то они захватывали своей силой. До сих пор звучит в памяти строфа песенки Тани, в которой есть как бы предвестие ожидающей ее трагедии:

Как тонка и нежна любовь
людская
И прозрачна, как хрусталь...

И, как будто вторя этой песне, в памяти возникает другая, тоже с ноткой печали, но печали не о своем личном, не о любви, не о сердце, разбитом любовью. Это поет Любка Шевцова. После «Тани» прошли годы, прошла война, и Мария Бабанова играла роль юной краснодонской героини Любы Шевцовой в «Молодой гвардии», поставленной Н. Охлопковым. Это было и новое и продолжение бабановской темы необыкновенного характера. Была в этой роли замечательная сцена, большая, равная целой жизни, когда Люба, только что узнавшая о гибели отца, вынуждена петь и танцевать, чтобы замаскировать присутствие партизана в ее доме... Бабанова поет «Гармонь» Бориса Мокроусова, впервые открывая настоящую эпическую грусть этой песни, рассказывающей о невидимом гармонисте, который скрывается где-то в ночи. Как высокий реквием отцу звенят неповторимые бабановские колокольчиковые ноты: «одинокая... бродит... гармонь...»

Думая о сокровенной природе бабановского искусства, я неизменно возвращаюсь к убеждению, что творит актриса из редчайшего материала страданий и радостей души, из таких сокровенных ее глубин, к которым редко прикасаются даже очень хорошие актеры. Есть мера, есть граница, за которую далеко не все хотят проникать. Бабанова переступает эту роковую грань. Она трогает недосягаемые, необиходные струны души — те, которые трогать, быть может, и опасно, ибо они не закалены, не подвержены испытаниям публичности... Их-то она и пускает на пряжу, если идти от выражений С. Эйзенштейна, заметившего, что Бабанова вышивает свои образы шелковой нитью. Ее шелк — из таинственного душевного «кокона»... Из такого тканья создается от начала до конца жизнь ее ролей.

Бабанова не довольствуется тем, что отдает роли часть своей души. Она еще стремится придать ей наиболее отделанное, искусно разработанное, отточенное качество. С жесткой неумолимостью к себе самой она по-живому «режет» свои шедевры; в завершенном виде они не имеют даже тени натуралистического; все подчиняет актриса высокому строю сознания, мысли, последовательности развития. Мы идем за актрисой по задуманному ею плану, по ее композиции роли. По ее велению воспринимаем все, вплоть до тонкостей облика внешнего, портретного и даже костюмного. Все отделано, превращено в тончайшее тканье, все искусно, узорчато и изысканно выделано... Но это особая искусность и выделка. В основе продолжает биться сердце, и в минуты кульминаций Бабанова открывает перед нами его живое биение... Тогда мы оказываемся совсем близко, так близко, что даже самые скрытые страдания бабановских героинь становятся для нас почти собственными страданиями, и тут уж не скажешь о ласкающей фактуре, о шелке и узорах, хотя все это есть в работе, тут уже «дышит почва и судьба»...

Бабановой необходимо, чтобы линия ее ролей шла через крайние пределы человеческих страстей, более того, через жизнь и смерть. Поэтому она любит работать с режиссерами могучей хватки и безошибочной точности, ей нужен максимальный путь драматических испытаний. Ее творческий процесс — акт самоотдачи, полной, бескомпромиссной, беспощадной к себе. Бабанова — максималист в искусстве, не признающий предела затраты человеческих сил художника. И, может быть, в вознаграждение такой чисто бескорыстной «расточительности» она как бы возрождается вновь от роли к роли. Когда Бабанова впервые выходила на сцену, сцена начинала свое боевое равнение на героический строй жизни, на беспрецедентное напряжение, в котором создавался новый, социалистический мир... Время отзывалось и в общем деле и в каждом частном поступке. И искусство в таком подъеме охотно, радостно шло на самоотверженный подвиг: служение сцене стало служением общественному делу. Оно должно было равняться на будущее и равнялось на него. Потому Бабанова и пришла в сегодняшнее как современница. Ее искусство и сейчас есть максимум, а не минимум человеческого деяния.

II

Те героини Бабановой, которые в самих пьесах были очерчены лишь в сфере интимных женских чувств, тоже оказываются сегодня в центре острых проблем века — красота, любовь, нежность имеют огромное место в творчестве Бабановой: они разработаны ею с редким обобщением и расширением. Ее понимание любви и красоты близко к классической разработке этих категорий. Любовь для Бабановой — это весь человек, а не одна лишь его сфера, тем более не грубая и прямолинейная чувственная эмоция... Когда к героиням Бабановой критики подступали с той концепцией любви, где чувственное понято только как физиологическое, они говорили, что героини Бабановой прошли стороной мимо обжигающего огня страстей... Но это как смотреть на «страсти». Героини Марии Бабановой так же

ПРОЗРАЧНА, К

«Дядюшкин сон». М. Бабанова в роли Марии Александровны.

Фото М. Чернова.

преданы своей, всегда великой любви, как они бывают преданы идее справедливости, идее защиты человечности. Ее Человек не знает полумер и получувств, все они любили один раз... Таня — одно из доказательств; Таня никогда не забудет Германа, их дом на Арбате, никогда: это так же явственно, как и то, что сам Герман этого не заслуживает, но для нее он целый мир... Лариса любит недостойного ее человека; и Бабанова явно передавала любовь, которая вступает в противоречие с рассудком. Но это любовь, а не только влечение пола. Да ведь и любовь Джульетты — тоже порыв чувства, которое не рассуждает, то есть любовь непосредственная... Бабанова сохраняет ту границу в передаче чувства, которая далека от откровенности и близка к самому чувству. Любовь героинь Бабановой — закрытый, интимный мир чувств, который не может быть публичным, который несовместим с банальностью, который катастрофически гибнет, сталкиваясь с ней.

Единственная среди героинь, кто не испытал катастрофы в любви, была Диана де Бельфлер. Главная фигура пьесы Лопе де Вега «Собака на сене», самовластная графиня Диана — Бабанова полностью управляла своей судьбой и любовью подчиненного ей Теодоро. Но актриса наделяла ее одной, очень для себя важной чертой. Диана у Бабановой тоже искала любви и не могла решить, даст ли ей Теодоро эту любовь.

Да, она играла судьбой Теодоро — то он ей необходим, то пусть уходит прочь... Только в чем же была психология этой непостоянной игры, этой смены противоположных желаний?.. Ведь она признает: «Сильней любви в природе нет начала!» Такою она и мечтает увидеть любовь — тайну за семью печатями, восьмое чудо света!.. И Диана, которая несколько раз отталкивала Теодоро именно тогда, когда он уже был у цели,— сталкивала вниз, как ведро, поднятое, по его выражению, из глубин колодца, руководилась каждый раз боязнью любви... Поэтому, может быть, в Диане была и нотка металла и ледяная горная вода где-то журчала, все время охлаждая пыл... Диана боялась не любви, а разочарования. Боялась превращения мечты, праздника чувства в пошлость. Спектакль, состоящий, по существу, из этой внутренней борьбы Дианы — Бабановой, был поэтически-философской притчей о любви, высказанной изящно, музыкально, с комедийной грацией. Идеал и утилитарный мир вступали в борьбу и здесь.

III

Почему мы всегда сочувствуем героиням Бабановой? Так ли уж мягок склад ее дарования? Нет, в ней иногда появляется холод и даже жестокость, в этих жемчужных переливах голоса звучит затаенная властность. Но ее героиням дано вести на сцене такую реальную жизнь, их чувства, мысли, духовные движения так тонки, сложны и многоцветны, что все они становятся настоящими: мы подчиняемся их реальности. Мы всегда будем с ними, даже если актриса захочет представить их для суда.

Эту «шутку» делает с нами ее удивительный дар превращения художественного в жизненное, искусственного в неподдельное.

Есть закон эстетического восприятия, по которому, восхищаясь совершенством исполнения, как бы принимаешь и самый характер.

Следя за тем, как М. И. Бабанова играет роль Марии Александровны Москалевой в «Дядюшкином сне» (в постановке М. Кнебель), можно яснее всего увидеть эту особенность. Ее героиня живет в Мордасове — обыкновенном и страшном городе России Достоевского... Мы хорошо помним великолепную светскую даму Москалеву в исполнении О. Книппер-Чеховой — львицу, неведомо как заехавшую с самых блестящих балов в эту страшную глушь. То была крупная интриганка, всегда умевшая всюду быть первой и это первенство умеющая никому не уступать. Для нее князь К.— старик, фантастически составленный как бы из отдельных частей-протезов, настолько он сносил и истрепал свой живой организм — был обычной ставкой в рискованной игре на восхождение к тем высотам света, которые ей пришлось когда-то оставить...

И вдруг за роль Марии Александровны берется Бабанова. И, следя за ее игрой, мы не можем найти в себе пафоса, чтобы ее возненавидеть, чтобы спокойно и беспристрастно изобличить ее козни и назвать, не кривя душой, монстром и хищницей.

Для выяснения нашего отношения вспомним финал: почему Москалева не захотела схватиться за последнюю возможность выиграть бой? Москалева, поступающая так, как свойственно светской интриганке, проигрывает. Почему? Она делает то, что делают все или почти все в буржуазном обществе. Но у всех это получается. Корыстный брак здесь стал почти каноном. А у Москалевой — срыв... Почему же у этой львицы, у этой демонски-виртуозной интриганки не вышло простого по тем временам дела — сватовства к ее прекрасной дочери мягкого, как воск, беспомощного князя, который к тому же полностью находится в ее руках?.. Нет ли здесь какого-то логически оправданного самим писателем хода?

Есть. И им, очевидно, пошла Бабанова. Она увидела некую вторичность поступков Москалевой. По сути дела, она совершает то, что

АК ХРУСТАЛЬ

первым задумал Мозгляков, затем Настасия Петровна, Наталья Дмитриевна, Анна Николаевна и еще шестеро известных нам дам, которых ведь могло быть и больше... И по тому, как действовали они все, стало очевидно, что Мария Александровна дебютировала в этих приемах! Бабанова это доказывала исподволь. Она сыграла даму-дворянку, подчиненную бытующим в обществе нравам. Даму, у которой в представление о жизни входит свет, воды, балы и удачное замужество. Она живет романами — прошлым и экзотикой этого прошлого. И любит свою несчастливую дочь. Она хочет помочь дочери теми же, какие у всех, средствами...

Но какие-то внутренние особенности ее, в целом срединного, «дамски-дворянского» восприятия жизни ей помешали. Каковы были эти особенности?.. Она умела чувствовать, эта маленькая Москалева. И от этого особого дара, который сам собой дается человеку любой среды, она не могла избавиться никак!.. Во всякое самое незначительное, самое вздорное чувство она вносила какой-то душевный залог. И чувство оживало, оценивалось выше самого себя. Она действительно любила когда-то эту преждевременную развалину — князя Гаврилу — и, даже увидев его таким, каким он стал, не могла полностью погасить свою уверенность в силе его обаяния и значения... Мария Александровна, как ее играет Бабанова, органически не ощущает жестких, практических законов жизни... И это неожиданное для Москалевой, но такое близкое Бабановой качество чужеродности по отношению к жесткой, практической стороне жизни перевернуло всю роль!.. Актриса не прибавила Москалевой ничего; она даже не сделала ее поэтической натурой, ибо не поэзия, а романы снабдили головку Марии Александровны жалкими знаниями об Альгамбре и Гвадалквивире, миртах и лимонах, которые она вперемешку и второпях тасует с трубадурами, турнирами и рыцарями, как колоду карт, когда хочет уговорить то князя, то Мозглякова восторгами испанского быта... С восхитительно точными, небольшими сдвигами в иронию произносит Бабанова эти заклинания. Она искренне не хочет, чтобы в ее сватовстве присутствовала подлость! Так искренне не хочет, что мы начинаем ей верить!.. Какие-то давно уснувшие, занесенные, запыленные временем живые слои души поднимает Бабанова в своей Москалевой, и мы начинаем интересоваться ее «миром». А заглянув внутрь, в душу, в мир чувств, мы видим борьбу, движение, развитие... Бабанова не умеет чертить приблизительно: она выстраивает законченный внутренний мир,— и мы оказываемся перед ощущением чего-то необычного. Да, Мария Александровна в ее исполнении не развита, полна предрассудков, капризов, всех пороков безделья и бессмыслицы жизни того времени, но при этом она самобытна, своеобразна где-то в самых истоках души.

В непостижимо сохранившейся бабановской молодости — лица, рук, голоса, движений — художественная особенность актрисы; она художник юности человеческой души... Здесь особый источник света, падающий на роли Бабановой. Поэтому и в роли Москалевой актриса обнаружила следы человеческой юности. В голосе, жесте, глазах выступает эта особенность. Да, Москалева всем складом своей мордасовской неестественной жизни заслонила в себе все живое, все доброе. Не имея настоящих жизненных целей, не зная о серьезном смысле жизни, Москалева Бабановой как бы несется в жизненном танце, движения которого, в сущности, чужды ей. И не случайно как ее лейтмотив звучит в спектакле такая характерная, стремительная и сумасбродная полечка, написанная композитором Г. Фридом.

Кончился спектакль. А театр как бы полон Бабановой. Все его уголки, все его стены хранят энергию, излученную талантом. Энергию творчества, красоты, воли, музыки.

Это не только впечатление от встречи с актерским искусством, но от более редкостной встречи — встречи с душой, в которой, как в прозрачном сосуде, ясно горит огонь творчества. Его не погасили ни годы труда, ни годы ожидания новых ролей... И здесь-то, в негасимости душевного пламени, тайна величия таланта и его необыкновенности.

К 60-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА В. А. КИРИЛЛИНА

ПУТЬ УЧЕНОГО

Крупнейшему советскому теплофизику и энергетику академику Владимиру Алексеевичу Кириллину 60 лет...

Написал эти строки, и на память пришло многое, связанное с Владимиром Алексеевичем.

...Начало 30-х годов. Большая Плехановская аудитория Московского энергетического института. Идет комсомольское собрание.

С яркой, хорошо аргументированной речью выступает один из лучших студентов факультета, признанный комсомольский вожак Володя Кириллин.

Проходит совсем немного лет, и в этом же Московском энергетическом институте один из самых уважаемых и требовательных деканов, известный ученый-энергетик, приглашает Владимира Алексеевича прочесть большой курс лекций. А ведь В. А. Кириллин был тогда лишь начинающим аспирантом. И это не было ошибкой. Редко кто так, как он, владеет мастерством лектора.

Первые дни Отечественной войны. Аспирант В. А. Кириллин делает все, чтобы быстрее оказаться на фронте в рядах действующей Красной Армии.

Незадолго до начала Отечественной войны В. А. Кириллин приступил к планомерному изучению термодинамических свойств воды и водяного пара при очень высоких давлениях и температурах. Но только после возвращения из действующей армии ему удалось снова продолжить прерванные работы.

Годы целеустремленной творческой работы не прошли даром. Исследования позволили составить новые уточненные таблицы термодинамических свойств воды и водяного пара при высоких давлениях и температурах, крайне необходимые для разработки нового энергетического оборудования. В 1959 году В. А. Кириллину за выдающиеся исследования по изучению теплофизических свойств воды и водяного пара присуждена Ленинская премия.

Как известно, после Великой Отечественной войны в нашей стране и в других странах мира началось бурное развитие таких областей новой техники, как атомная техника, ракетная техника, новая химическая технология, современная энергетика. Во всех этих новых разработках речь всегда шла о резкой интенсификации рабочих процессов в установках и аппаратах, приводящей, как правило, к огромным выделениям тепла. Требовалось создать конструкции, надежно работающие при очень высоких температурах.

Теплофизика в эти годы получила свое второе рождение, и очень важно, что в это время нашелся крупный ученый, который смог возглавить развитие подобных исследований в нашей стране. Этим ученым стал Владимир Алексеевич Кириллин.

Уже в 1954 году он создает кафедру инженерной теплофизики в Московском энергетическом институте, которая готовит инженеров для работы во многих ведущих научных и конструкторских организациях нашей страны.

Одновременно Владимир Алексеевич ведет важные научные исследования, связанные с проблемой изучения физических свойств твердых веществ при предельных температурах их существования. Им разработаны оригинальнейшие экспериментальные методики, широко используемые и в настоящее время.

В 1960 году он организует в Академии наук СССР Лабораторию высоких температур, которая вскоре преобразуется в Институт высоких температур АН СССР. Сейчас это большой научный коллектив, успешно решающий многие задачи фундаментальной и прикладной науки.

Большое участие принимал Владимир Алексеевич Кириллин в создании Института теплофизики Сибирского отделения Академии наук СССР, институтов теплофизического профиля в республиканских академиях наук.

Вскоре после появления первых интересных результатов физических исследований в области магнитогидродинамического преобразования тепла в электроэнергию смелые, энергичные действия В. А. Кириллина привели к разработке конкретной программы работы по созданию принципиально новых энергетических установок — установок прямого магнитогидродинамического преобразования тепла в электроэнергию. Эти установки сулят необычайные технико-экономические перспективы в энергетике, прежде всего определяемые значительно более высоким, чем в обычных паротурбинных установках, кпд, а также уменьшением вредного влияния этих установок на окружающую среду за счет меньших выбросов в водоемы и атмосферу «отходящего» тепла.

Разработанная ученым методология работ по созданию магнитогидродинамических установок получила мировое признание. Под его руководством в 1963—1964 годах построена и по настоящее время успешно работает уникальная комплексная энергетическая модельная экспериментальная магнитогидродинамическая установка — установка У-02. Эта единственная в мире такого рода установка позволила получить большое число необходимых экспериментальных данных для дальнейшей работы в области магнитогидродинамического преобразования энергии.

В 1971 году под руководством Владимира Алексеевича завершено строительство первой в мире опытно-промышленной установки с магнитогидродинамическим генератором расчетной мощностью 25 тысяч киловатт.

Избрание в 1962 году Владимира Алексеевича действительным членом Академии наук СССР явилось закономерным признанием его выдающихся научных достижений. Академиком написано более ста интереснейших научных работ в области теплофизики и новой энергетики, в том числе более десяти книг.

Я говорю здесь только об одной, особенно мне близкой стороне деятельности Владимира Алексеевича — о его научной работе. Но было бы неправильно отрывать от нее его деятельность как крупнейшего организатора советской науки, государственного деятеля. Мы знали и знаем его на работе заведующего отделом науки ЦК КПСС, вице-президента Академии наук СССР, председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Но самым важным является то, что академик В. А. Кириллин в свои 60 лет — одержимый ученый с неиссякаемой юношеской энергией, широким размахом, необычайной творческой активностью.

Мне кажется, эти черты характера Владимира Алексеевича наложили свой отпечаток на всю его научную, партийную и государственную работу. Он отдает себя целиком служению советской науке, Родине, партии.

Член-корреспондент АН СССР,
лауреат Ленинской премии
А. ШЕЙНДЛИН

ЭПОС И ГЕРОИКА

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

После прочтения нового романа Петра Проскурина «Судьба» остается впечатление живой соприкасаемости с жизнью нашего народа. Пятнадцатилетний срок, определивший протяженность романа во времени и уложивший в себя драматические коловращения многих человеческих судеб, начал исчисляться с показа зарождения новой, коллективной жизни в русской деревне и завершился в этом эпическом повествовании грозными картинами великой освободительной войны советского народа против германского фашизма. Таким образом, само это историческое время неотвратимо обозначило основное русло, по которому было направлено течение романа, так или иначе властно вмешалось в художественное развитие его сюжета и, что, пожалуй, самое главное, действительно решило судьбы многих и многих героев этого произведения.

Да, есть все причины считать, что мы имеем дело с удавшейся попыткой создать эпическое повествование о жизни народа на ответственнейших рубежах его истории.

И вместе с тем новая книга Петра Проскурина синтезировала в себе отличительные качества разных романических жанров: семейного, бытового, историко-военного, социально-политического... Подобное свободное обращение к богатейшим возможностям реалистического романа предопределило многие успехи талантливого писателя.

Роман «Судьба», только что вышедший на суд читателя и литературной критики, имеет не дальнее, а глубокое художественное родство с другим произведением, уже получившим известность и широкое признание,— романом Анатолия Иванова «Вечный зов», в свое время тоже опубликованным на страницах журнала «Москва». При всей самостоятельности и самобытности каждого из этих произведений в них, безусловно, можно обнаружить черты общего свойства, порожденные не только животворными традициями социалистического реализма, но и схожестью понимания народного идеала, каким он складывался в годины испытаний и взлета творческой силы трудового люда. Больше того, схожесть идейно-художественных позиций столь разных писателей особенно подчеркивается их острым чутьем к классовой подоплеке не только сложных исторических моментов, но и запутанных житейских ситуаций. Зрелость классового исторического мышления, свойственная Петру Проскурину и Анатолию Иванову, вообще всегда отличала талантливейших представителей советской литературы. Это замечательное качество приумножено в наши дни, если брать нынешнее развитие художественной мысли во всем объеме.

Следуя по линии наибольших удач, которые, как вершины, поднимаются в масштабном кряже всего романа «Судьба», невозможно пройти мимо характеров героев-большевиков, написанных автором с предельной творческой отдачей, вдохновенно, с той покоряющей смелостью, когда как бы снимается с образов затуманивающая их мгла времени и горячая, бьющаяся жизнь встает перед глазами, волнует и убеждает в своем бытии.

Тревожным очарованием, диковатой внутренней силой, беззаветностью борца за трудовое правое дело покоряет нас первый председатель колхоза села Густищи большевик Захар Дерюгин. Тщательно воссоздавая то далекое время, избегая всякого приукрашивания, Петр Проскурин дает сложную и пеструю картину деревни первой поры ее колхозного переустройства. Суровая правда житейских обстоятельств и даже тех, казалось бы, немудреных мелочей, которые в крестьянском быту могут иметь неисчислимые последствия для человека, кровавая логика классового сопротивления кулаков, нищета, отсутствие всякого опыта в становлении новых, невиданных доселе форм общения и хозяйствования — все это нам, ныне живущим и не напрасно изучающим уроки прошлого, дает прочувствовать, понять и благодарно оценить героическую борьбу сельского коммуниста. Подверженный страстям, пронизанный недоверчивым, аскетическим крестьянским взглядом, подкарауливаемый прямыми и тайными врагами, Захар Дерюгин, отстраненный от председательства, даже оглушенный враз обрушившимися на него всевозможными бедами и обидами, необдуманно вернувший партийный билет, даже вынеся все это, остается верным делу новой

Петр Проскурин. Судьба. Журнал «Москва» №№ 8—11, 1972.

жизни и впоследствии, когда начнется Отечественная война, терпеливо и стойко проделает тяжелую солдатскую работу.

Если следовать только внешним аналогиям — и они содержат зерно истины,— то в Захаре Дерюгине можно узнать приметы шолоховских Макара Нагульнова и Андрея Соколова. И это родство литературных героев заложено в глубинах преобразованной революцией жизни, ибо она сама выковала тип нового человека, который мы так привычно определяем одним-единственным, но емким словом — советский.

Другой образ коммуниста, иными литературными средствами донесенный до нас, обретший живую плоть под смелым пером, пройдет крупно и размашисто долгой дорогой эпического повествования — это новизной останавливающая взор колоритная фигура Тихона Брюханова, друга Захара Дерюгина еще по гражданской войне, партийного работника, человека, в незаурядную личность которого всматриваешься с удивлением и интересом. Пожалуй, Брюханов — как литературный тип— в большей степени требует иных художественных критериев при оценивающем взгляде на него, нежели, скажем, Захар Дерюгин. Принцип глубокой, разветвленной и тщательно организованной психологической разработки характера героя, видимо, явился основополагающим, когда определялось место Брюханова в движении и развитии всего многопланового повествования. Впрочем, как и другого героя — редактора областной газеты Пекарева. В душу каждого из них автор как бы вложил проницательное «внутреннее око», которое, не раздваивая натуру, не лишая ее цельности, дает человеку чудодейственную возможность наблюдать себя как бы со стороны, отмечать направление тонкой духовной работы и вдруг сверкнуть сторожевым лучом в опасное мгновение, когда закрадывается недоброе чувство.

Результаты психологических наблюдений, извлеченные из богатого духовного мира Брюханова и Пекарева, важны не сами по себе, а поучительной стороной своей. Тут все дело в том, что человеку дано неистребимое и благое любопытство разгадывать в другом, лучшем, чем ты, действие высокой точности и чистоты механизма, который поддерживает предельную высоту полета души, не дает сбиться ей с ясно намеченной цели. И вот почему и Брюханов, и Пекарев, и первый секретарь Холмского обкома партии Петров волнуют той безупречностью, бесстрашием, непреклонностью, которые унаследовала наша партия от первых рыцарей революции.

Таковы коммунисты в романе «Судьба»: перед строгим взглядом народа и партии они, далекие от мелочности, суетных интересов минуты, не отвернут ясного лица своего.

Невольно вспоминается драматический эпизод встречи Петрова со Сталиным, когда первому потребовалось все личное мужество, революционная принципиальность, чтобы вести острейший разговор о жестокости и железной необходимости революции с человеком, занявшим особое положение в партии.

Вот хотя бы маленький кусочек той скрытой полемики, которая отражала глобальные заботы, волнующие партию.

«— Мне кажется, мы ориентируем массы не всегда точно, нельзя не учитывать иные, непрерывно действующие категории. Я часто думаю об этом. И, кроме того, нам в удел достался народ с великой духовной культурой, и здесь, в конце концов, проявятся смысл и цель революции, и здесь революция обязана будет выдержать истинную проверку.

— Она ее выдержит,— тотчас принял скрытый вызов Сталин, отмечая неожиданный переход мысли Петрова в иную плоскость.— Была великая духовная культура для избранных — с этим я согласен. А народ? Именно революция обязана дать и даст многомиллионным массам культуру, осознание человеческого достоинства. Именно коммунист не имеет права отрываться от реального положения вещей, это смертельно».

Если определить ведущую тенденцию автора, исходящую из общего цельного нравственного взгляда на людей, то ее нужно определить, наверное, следующим образом: психологический и идейно-художественный интерес к тем положительным натурам, которые в долгой внутренней работе в конце концов обретают то устойчивое душевное равновесие, которое дает высшую нравственную крепость, не разбиваемую соблазнами, отвлекающими от высокой, раз избранной жизненной цели. Вспомним, как Брюханов, где-то не понявший, не поддержавший и тем самым не остановивший своего друга Захара от опрометчивого решения, потом долго будет терзаться внутренним разладом, пока не произойдет многое такое, личное и общее, что приведет его в равновесие. Думается, что прослеживание путей к устойчивому внутреннему миру, а в конечном счете к жизнетворящей гармонии с «прекрасным и яростным миром» — с действительностью нашей истории — стало одной из художественных и идейных задач автора романа «Судьба».

И в этом смысле простое, даже непритязательное название в одно, часто употребляемое по разному поводу слово обретает философски значительный и гуманистический смысл. Понятие «судьба» как неотвратимое сцепление случайных и неслучайных обстоятельств, властно распоряжающийся жизнью и смертью человека рок в романе решительно переосмысливается на прочной и живой почве доверия к человеку.

Судьба действительно начинает играть человеком, когда в годину больших исторических перемен и испытаний он вступает в противоречие с новизной жизни, и тогда она неотвратимо наказывает его. Так случилось с врагом Советской власти Федором Макашиным, начавшим с кулацкого обреза и сознательно ставшим в годы войны палачом-карателем; так было с Анисимовым, затаившимся белогвардейцем, проникшим в ряды партии, чтобы дождаться своего часа.

Судьба теряет свою мертвую власть тогда, кода человек противопоставляет ей свою жизнедеятельную волю. Во внушительной галерее богатых, незаурядных натур, которую представил Петр Проскурин, мы не найдем героя, слепо подчинившегося обстоятельствам. Напротив, все они так или иначе доброй волей пошли по главным дорогам жизни.

И как тут не сказать теплые слова в адрес многочисленных героинь романа, деревенских женщин, неприметных до определенного часа, но свершающих повседневный подвиг жизни в работе, в том, чтобы поставить свое многочисленное потомство на ноги, а когда придет этот час испытания — обнаружить величественную стать прекрасной натуры! Бабка Авдотья, Ефросинья и Аленка Дерюгины, Маня Поливанова... Сколько их яркими звездочками промелькнуло на суровом небосклоне романа, высветив несметные нравственные богатства трудовой женщины! Ефросинья, претерпевшая немало обид от мужа, не видевшая света изза непрестанных хлопот за детьми, рано состарившаяся в работе, не успевшая оттаять в пору хорошей жизни, когда случилась война, собственноручно сожгла свою новую, просторную избу вместе со спящими в ней фашистами.

...Женщина Отечественной войны, самой высокой меркой, социально-нравственной, оцененная, выдвинутая на вечевую позицию, с которой ее далеко и хорошо видно, женщина такой, как жгут больно скрученной, судьбы, но как Родина наша, щедрая душой, вдруг в сегодняшнее, спокойное время остановила и зачаровала взоры многих наших талантливых писателей. В тяжкие годы, опаленные огнем войны, советская женщина выстояла и победила, поразив белый свет величием души. Вспоминаются повести и романы М. Алексеева «Ивушка неплакучая», В. Закруткина «Матерь человеческая», Анатолия Калинина «Возврата нет», Виктора Астафьева «Пастух и пастушка», и невольно возникает мысль: это не случайность, а закономерность, что столь разные, но очень талантливые и наблюдательные писатели обратили свой взор на судьбу женщины военных лет, словно спрашивая у нее ответы на вопросы, которые волнуют и нашего современника.

Роман Петра Проскурина— заметное явление в прозе минувшего года. В ряду других талантливых книг он показывает величие истории Страны Советов, незабываемый путь первых — путь трудный, но победоносно одолимый.

●

5000 БЛАГОДАРНОСТЕЙ

— Добрый вечер, девушки! Скоро объявим посадку! Все готово? — говорит в микрофон бригадир-механик фирменного поезда «Латвия» Роман Вячеславович Шкультецкий. И добавляет с улыбкой: — Работать, как всегда, с огоньком!

Сижу рядом с ним в радиорубке. До отхода поезда — час.

— От Москвы до Риги неблизко, и надо, чтобы пассажиры в пути отдыхали,— говорит Шкультецкий.

Для этого в поезде все условия. Светло, уютно, на окнах белые занавески, и мчатся по ним, бороздя воды Балтики, голубые яхты. На столиках вазочки с печеньем, вафлями, краткий путеводитель по Риге. Красочный альбом «Латвия». И цветы — в любое время года!

Чай ждать не надо: он всегда горячий. Ужин приносят из ресторана официанты-разносчики. А если он вас почему-либо не устроит, тогда наберите по телефону номер вагона-ресторана и закажите по меню, что понравится. Телефон связывает между собой все вагоны поезда. По номеру «45» вам ответит Мария Константинова — заведующая справочным столом. У Вии Шубровской можно приобрести медикаменты. Ирина Гуришева, Гайда Ширина и Мария Липовицкая предлагают книги и журналы. Можно и самому порыться в библиотеке — в ней шестьсот томов.

Сделано все это при содействии начальника Прибалтийской железной дороги Н. И. Краснобаева и начальника вагонного депо «Рига-пассажирская» Ю. В. Ольшевского. Но главная заслуга — всей бригады.

Легко, красиво работают проводницы: деловитость, сноровка, слаженность и тот самый огонек, о котором говорил Шкультецкий.

— Чувствуем ли себя москвичами? Конечно! — согласно кивает Роман Вячеславович.— Почти во всех театрах побывали, в музеях, на выставках. Об этом заботится Луция Мугуревич, наш профорг. Да и просто побродить по Москве — удовольствие...

Бригада этого фирменного поезда награждена двумя почетными грамотами ЦК ВЛКСМ. Красное знамя ЦК ВЛКСМ — тоже у них. И вымпел Прибалтийской железной дороги вручен им. За один год бригада получила 5 тысяч благодарностей от пассажиров.

Л. НАТОЧАННАЯ

Бригадир-механик Р. В. Шкультецкий и заместитель бригадира Э. Идас в радиорубке фирменного поезда «Латвия».
Фото А. Награльяна.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

СЛОВО, ОПАЛЕННОЕ ВРЕМЕНЕМ

Владимир ЦЫБИН

В трудной, строгой судьбе поэта отразился путь страны. Ярослав Смеляков — сверстник и первых домен Магнитки и огней Днепростроя, папанинцев и челюскинцев. Сверстник всей нашей нови. И все это стало стихами. Так время, неуклонное чередование годов, откладывается тонкими, порой незаметными кольцами. И когда он «записывал» в стихах биографию своего сердца, выходило, что пишет он, в сущности, биографию своего времени. Не зря одними из самых знаменитых стали строки из книги «День России»:

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущенье
шагов Истории самой.

История для Ярослава Смелякова — это тоже когда-то случившаяся современность. В таких стихах, как «Иван Калита», «Рязанские Мараты», «Денис Давыдов», «Меншиков», «Командармы гражданской войны», поэт искал масштабность. Его поэзия жила в постоянном устремлении к крупным, значительным темам. Малых тем он не любил. Не принимал. И если писал о чем-то глубоко личном, все равно «сбивался» на разговор о своей яростной и прекрасной эпохе. Можно сказать, что все творчество Ярослава Смелякова находилось под мощным магнитным притяжением гражданственного осознания нашего времени:

В петлицах шпалы боевые
за легендарные дела.
По этим шпалам вся Россия,
как поезд, медленно
прошла.

Это сказано о командармах. Но найден такой образный масштаб, который вмещает в себе всю судьбу вчерашнего и сегодняшнего дня России.

Ярослав Смеляков ничего не хотел забыть. Забыть значило для него простить. А прощать ни свои, ни чужие ошибки он не хотел. А хотел только одного: чтобы в стихах непреклонно и сурово «работала совесть». Да, именно работала! И своей работой утверждала в человеке державное чувство гражданина, гордость много поработавшего человека. Вот почему суровой памятью времени проверял Смеляков свое сердце. И это мера, которой он всегда оставался верным от первых своих рабфаковских стихов, которые он читал в редакции «Огонька» на литобъединении, до торжественного «Дня России» и сумрачного, прощального «Декабря».

Годы шли, менялась жизнь, менялся сам поэт. Но оставалась прежней его убежденность и какая-то особая, обостренная совестливость, его талант всегда оставался пристрастным к правде рабочего человека, так ярко выраженной в поэме «Строгая любовь». И ритм его стихов всегда оставался первоначально-чеканным, с железной неуклонностью организующим ту самую простоту формы, без которой не бывает большой поэзии.

В формах смеляковских стихов поражает какое-то неподвижное прямодушие. Такими стихами нельзя ни печалиться, ни сомневаться. Такими стихами можно только утверждать.

Мне в общей жизни,
в общем, повезло,
я знал ее и крупно
и подробно.
И рад тому, что это ремесло
созданию истории подобно.

Так определяет Смеляков в одном из последних стихотворений и время и нравственное назначение своей поэзии. Ее воспламененность. Ее долг перед жизнью. Он и правду любил гражданственно, как подвижник. Правду, овеянную легендарными знаменами Первой Конной. Правду, воплощенную в корпусах Магнитки и Волгоградского тракторного. Изначальную для всей нашей эпохи правду.

Целенаправленность творчества выработала в лирическом характере поэта цельность и неделимость — на судьбу лирического героя и судьбу самого поэта. Он не отделял себя от своих стихов, и если что утверждал или отрицал, то только от имени поэта и человека — Ярослава Смелякова,— как в «Кремлевских елях»:

Нам сродни
их простое убранство,
молчаливая
их красота,
и суровых ветвей
постоянство,
и сибирских стволов
прямота.

И чувство Родины у него свое, смеляковское. Это как чувство постоянства — непреложная надежда на ее ясный и добрый день, и отсчет этого чувства не от своей деревушки, не от своего городка, реки — а от кремлевских елей. Это — глубоко интимное чувство нашего современника.

Как словно я мальчонка
в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

Поэзия — всегда судьба. Эти слова как нельзя точно применимы к поэзии Ярослава Смелякова. Личную судьбу свою поэт вкладывал в судьбу своей эпохи, в судьбу страны. Может быть, ему хотелось писать своими стихами лирическую биографию Родины, как в стихах «На Красной площади», где поэт говорил от имени всех своих сверстников о самом дорогом и сокровенном — о революции.

Уже через Балчуг на Пресню
устало уходят полки,
и, словно бы красные песни,
за ними летят башлыки.

Прошлого нет, если оно живет в настоящем. Так он понимал себя. Так понимал жизнь.

Он исследовал жизнь прямым и точным анализом слова. Из всех линий исследования жизни он выбирает решительную, прямую. И, может быть, самым неожиданным соприкосновением с Пушкиным он обязан ей?

Так начиналась жизнь
вторая,
идя все той же стороной:
ведь колокольчики Валдая,
то раскатясь, то затихая,
звенят и плачут под дугой.

Да, здесь слышится пушкинское начало, пушкинская державная ясность.

«Ежели поэты врут, больше жить не можно»,— с такой неожиданной совестливой печалью вдруг заявит он в одном из стихотворений последних лет.

И это в крови у людей нашей эпохи — проверять свою жизнь не только прожитым, но и пристрастным и справедливым судом будущего.

Всем настроением своего сердца, своей лирики Ярослав Смеляков был и остается виднейшим гражданственным поэтом современности. Так он понимал себя в поэзии. Так понимал себя в жизни.

НЕ ТОЛЬКО О СПОРТЕ...

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Они кажутся нам великанами, какими-то сказочными гигантами в своих доспехах, которые они сейчас на наших глазах надевают, шнуруют «латы», надвигают шлемы низко на лоб...

Мы любуемся их богатырской статью, радуемся, что видим их так близко, каждого можем рассмотреть, узнать в лицо.

А они улыбаются добродушно, будто в ответ на наше восхищение, догадываясь о нем, привыкнув уже и к восторгу и к требовательному нетерпению своих болельщиков, почитателей, страстных любителей этого спорта... Они, выходя на лед, выкатываются друг за другом, неторопливо, как бы даже с ленцой, вразвалочку, не кичась своей ловкостью и силой, а просто с уверенностью в них.

«Хоккей против хоккея» — так называется фильм, созданный на Центральной студии документальных фильмов режиссером-сценаристом Б. Рычковым, операторами Л. Максимовым, Л. Михайловым, А. Поповой. Фильм рассказывает о знаменитых встречах наших советских хоккеистов с командой профессиональных хоккеистов Канады.

Валерий Харламов, Александр Якушев, Фил и Тони Эспозито, Владислав Третьяк и Кен Драйден — эти имена всемирно известны, мы видим их близко — на расстоянии, недоступном владельцам самых лучших мест на стадионе, видим лицом к лицу. Камера на мгновение замирает — и перед нами портреты хоккеистов, моментальные снимки. Это как бы и коротенькие характеристики их. Третьяк — сосредоточенный, серьезный настолько, что кажется, не спортивный матч предстоит ему, а трудное математическое решение. Взрывчатый, властный, сокрушительный в своей яростной темпераментности Эспозито — лучший игрок Национальной хоккейной лиги Канады. Кудрявый, как херувим, и драчливый, как мальчишка, Кешмен... «Драчун»-Кешмен — называют его в команде. Захватывающе интересно смотреть на них, даже не следя за результатами игры.

Как переживает Эспозито неудачу кого-то из своих партнеров!.. Но вот он идет на ворота, а дорогу ему плавным скольжением, как слаломист, перерезает Харламов. Все это вихрь. А потом — этого мы никогда не увидим на стадионе! — ритм замедляется, хоккеисты как бы распластываются на экране, парят, будто в невесомости, плавно плывут по ледяному полю, и тогда особо явственно заметна отточенность каждого движения, шага, броска...

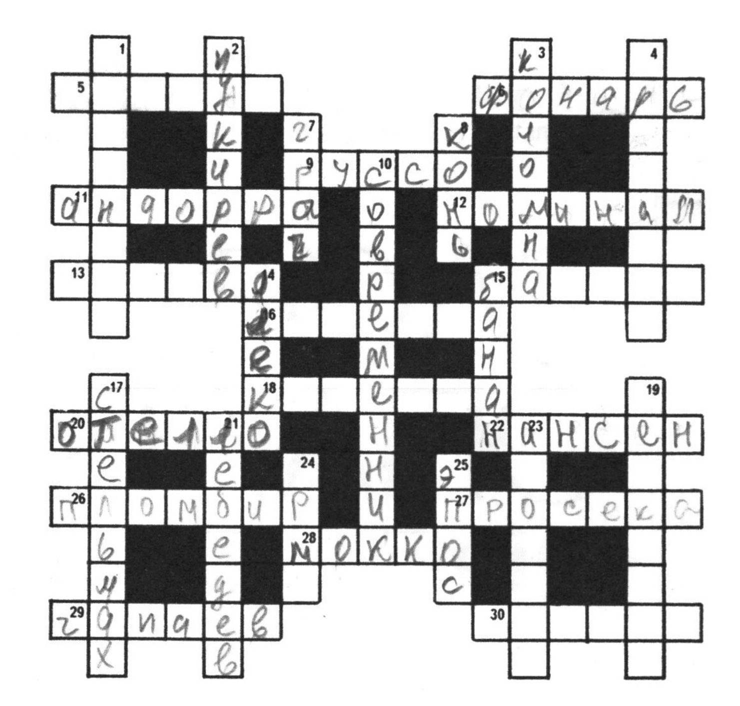
Операторы сохранили интереснейший документ спортивной битвы, в подлинности, правдивости которого нет сомнения. Но это не простая фиксация событий. В фильме есть свой сюжет, он развивается исподволь, постепенно убеждая нас как свидетелей, превращая в своих единомышленников. Задача, тема фильма не только спортивная, но и нравственная, этическая. Эта нравственная тема не сразу становится нам слышна.

Пока мы под обаянием совершенного мастерства, таланта как наших советских, так и канадских хоккеистов. А вот их тренеры: Всеволод Бобров — сдержанный, даже суровый, как бы в стороне, а на самом деле каждым нервом, каждой мыслью своей там, в центре хоккейной битвы, и Гарри Синден — тренер канадцев; от энергичных движений взлетают, взвиваются фалды темного «клубного» пиджака; не отрывая взгляда от поля, мечется он за барьером, что-то кричит. Да ладно, не в том дело: у каждого свой темперамент, своя манера вести себя.

Так ли это важно для результатов игры? Оказывается, важно!.. Несколько канадских хоккеистов наваливаются на нашего Валерия Харламова, и он с поврежденной ногой вынужден удалиться с поля. Мы уже недоумеваем. Странное поведение, странные манеры. Александр Якушев буквально обороняется от канадцев, дерущихся клюшками... Эпизод следует за эпизодом, развитие спортивной игры есть развитие сюжета фильма. Что это в конце концов — ребячество какое-то? Но когда взрослые начинают себя «ребячески» вести, их поведение воспринимаешь уже иначе. Пример: травма Валерия Харламова. А «ребячество» принимает все более опасный, все более ожесточенный характер. И видишь: есть спортивный итог игры, но есть и итог нравственный, этический, и не может одно существовать вне зависимости от другого... Мы принимаем, ценим высокое профессиональное мастерство канадских хоккеистов, но не можем понять и принять того, что обнаружилось в их манере вести себя, в их отношении к своему спортивному сопернику...

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Народный поэт Азербайджана. 6. Часть кабины самолета, служащая для обзора. 9. Французский просветитель XVIII века. 11. Государство в Пиренеях. 12. Нарицательная стоимость. 13. Приток Дуная. 15. Оболочка аэростата. 16. Музыкальный инструмент. 18. Наиболее яркая звезда в созвездии Возничего. 20. Трагедия Шекспира. 22. Норвежский исследователь Арктики. 26. Высококачественное мороженое. 27. Вырубка в лесу. 28. Сорт кофе. 29. Фильм кинорежиссеров Васильевых. 30. Промысловая рыба.

По вертикали: 1. Опера Дж. Пуччини. 2. Автор картины «Неравный брак». 3. Город в Московской области. 4. Народный танец, распространенный в Белоруссии и Польше. 7. Птица семейства вороновых. 8. Шахматная фигура. 10. Журнал, издававшийся в Петербурге в XIX веке. 14. Опера С. В. Рахманинова. 15. Тропическое растение. 17. Украинский писатель. 19. Порт на Кременчугском водохранилище. 21. Русский физик. 23. Дневная бабочка. 24. Горный массив Южного Урала. 25. Повествовательный род литературы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 4. Пескарь. 7. Псел. 8. «Соть». 10. Ноттингем. 12. Пенька. 14. Понтон. 16. Бальзак. 18. Тарантелла. 19. Маргаритка. 21. Алгебра. 22. Алатау. 24. Соната. 25. Лейтенант. 26. Стог. 28. Роль. 29. Рогнеда.

По вертикали: 1. Эскадрилья. 2. Реал. 3. Ярус. 5. Осина. 6. Штамп. 9. «Недоросль». 11. Вольтметр. 13. Кантата. 15. Отранто. 16. Белка. 17. Карта. 20. Венецианов. 23. Улита. 24. Сталь. 27. Грот. 28. Руда.

На первой странице обложки: В. Суриков. АВТОПОРТРЕТ. 1913 г.

На последней странице обложки: К вершине.
Фото Л. Добровольского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/I-73 г. А 00006. Подп. к печ. 16/I-73 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 23. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 5.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

М. ХОДАКОВ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШУНИ, ШАРИКА И ПОРИ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Посидели друзья на полянке немного и пошли дальше. Вперед, как советовала им Белочка. Но шли они недолго: скоро перед ними оказался крутой обрыв и в нем нора Барсука. А хозяин норы будто ждал их, вышел навстречу, приветливо улыбнулся и говорит:

— Очень хорошо, что вы пришли, как раз к ужину. Я очень рад.

— Вы рады? — удивился Поря.

— Да, я всегда рад добрым и справедливым гостям,— ответил Барсук.

— А откуда вы знаете, что мы добрые и справедливые? — насторожился Мишуня.

— Знаю,— ответил Барсук,— я многое знаю.

— Тогда, может быть, вы знаете...— начал Шарик, но Барсук покачал головой и сказал, что на все вопросы он будет отвечать только после ужина.

Вошли друзья в нору Барсука и ахнули: прямо перед ними лежали сладкие корешки и ягоды, кочерыжки, которые Мишуня и Поря отдали Ослику. Здесь также были жуки и червяки, не съеденные Шариком на полянке.

Переглянулись друзья и принялись за еду.

— Ну, а теперь спрашивайте,— сказал Барсук, когда друзья наелись.— Спрашивайте все, что хотите. Только, чур, не хитрить, я вам не Заяц.

И опять удивленно переглянулись друзья: откуда Барсуку все известно? Но об этом они не стали спрашивать, а задали вопрос, который больше всего их волновал: где живут Деды Морозы?

— Идите прямо,— сказал Барсук,— все время прямо, никуда не сворачивая. Только прямо.

Поблагодарили друзья Барсука за ужин и за совет и тронулись в путь.

— Значит, прямо,— переспросил на всякий случай Поря у Барсука, который пошел их провожать до ближайшего пенька,— и там живут Деды Морозы?

— Нет, там вы встретите старого Лося. Он вам скажет, куда идти дальше.

Солнце уже стало склоняться к западу, а друзья все шли и шли. Шарик начал подумывать и о ночлеге, но все никак не мог выбрать подходящего места. Вдруг он услышал крик идущего впереди Пори и бросился к нему. Следом за Шариком поспешил Мишуня, и оба они увидели Порю, стоящего по колена в болоте.

— Скорее назад! — крикнул Шарик, но Поря и сам понимал, что надо выбираться на берег. С трудом он вытащил одну ногу, ухватился за лапу Мишуни, которую тот протянул, и вылез из болота.

— Я шел, задумался и не заметил...— начал он оправдываться, но, увидев расстроенные мордочки своих друзей, умолк.

— Вы чего? — удивился он.— Ну, болото. Это, конечно, страшно, но ведь это просто болото, а не страна Болотия. Правда? И мы его обойдем... Пойдем направо или налево...

— Нет, Поря,— грустно сказал Шарик,— не можем мы пойти направо или налево. Помнишь, что сказал Барсук? Только прямо, никуда не сворачивая, надо идти.

Друзья сидели на берегу болота и грустно смотрели на него. Болото, видимо, было не такое уж большое, но как все-таки перебраться через него?

— Вот что,— сказал вдруг Мишуня.— Поря провалился в болото, потому что у него копытца маленькие и остренькие. А у меня лапы вон какие широкие! Я не провалюсь! — И он стал осторожно спускаться с берега.

Мишуня и правда не провалился, хотя каждую минуту казалось, что вот-вот он провалится в болотную топь. Походив немного по болоту и убедившись, что не проваливается, Мишуня подошел к Поре, посадил его себе на спину и медленно пошел по болоту. Поря сидел не шелохнувшись, хотя сердце его так сильно стучало, что он даже испугался. Мишуня шел медленно и осторожно и скоро дошел до противоположного края. Осторожно опустив Порю на землю, он тяжело перевел дух. А Поря, очутившись на твердой земле, так обрадовался, что хотел изо всех сил закричать «Ура!». Но он этого не сделал: ведь на том краю болота остался Шарик, и, пока он не будет рядом, радоваться нельзя. А Мишуня тем временем отправился обратно. Добравшись до Шарика, он подставил ему свою спину и тут услышал чей-то голос:

— Перенесешь Шарика — приходи за мной!

Посмотрел Мишуня и увидел: стоит на берегу болота Лисенок.

— Как ты тут очутился? — спросил Мишуня.

— Это неважно,— ответил Лисенок,— а важно, что мне очень надо на тот берег. А перейти я не могу: нога у меня болит очень!

— Ладно,— сказал Мишуня,— жди. Приду и за тобой.

Он выполнил свое обещание: пришел за Лисенком и перенес его через болото. Но когда наконец выбрался на твердую землю, упал от усталости.

— Тут ночевать нельзя,— сказал Шарик,— комары закусают, да и холодно.

— Я больше не могу идти,— тихо простонал Мишуня.

— Ничего, мы донесем тебя,— сказал Шарик.

— И меня донесите,— попросил Лисенок,— нога у меня болит.

Шарик прижал к спине иголки и взвалил на себя Мишуню. А Лисенок уселся верхом на Порю.

Дорога поднималась круто в гору, и идти по ней даже без такой тяжелой ноши было трудно. А тут еще как назло совсем стемнело и стал накрапывать мелкий холодный дождичек. Дорога стала мокрой и скользкой. Но ни Поря, ни Шарик, как ни трудно им было, даже не подумали сбросить своих седоков. Добрались они до вершины горки и только тогда остановились.

— Спасибо,— сказал Лисенок,— дальше я сам пойду.

— А мы тут переночуем,— сказал Шарик.

Они нашли подходящий куст и удобно устроились под ним.

За день они так устали, что заснули сразу, даже не успев как следует закрыть глаза. Но поспать им не удалось: их разбудили громкие отчаянные крики.

— Помогите!— неслось откуда-то из глубины леса.— Спасите моих детишек! Спасите меня!

Мимо друзей быстро пробежал Заяц.

— Спасайтесь! — крикнул он на ходу.— Спасайтесь скорее, бегите!

И друзья побежали. Только не в ту сторону, куда убежал Заяц, а наоборот — они побежали туда, откуда доносились крики. Но странное дело, едва друзья вбежали в лес, крики прекратились. И сколько ни прислушивался Поря, сколько ни принюхивался Шарик, сколько ни приглядывался Мишуня, ничего они не могли узнать. На всякий случай побродили они еще

Окончание. Начало в № 3.

немного по лесу, послушали, посмотрели, понюхали и вернулись к своему кусту.

Проснулись они от теплых ярких лучей солнца, которые пробивались сквозь листья куста. Проснулись и очень удивились: вроде бы вчера тут, рядом с кустом, никаких деревьев не было. А сейчас стоят четыре высоких стройных ствола.

— Неужели за одну ночь выросли? — удивился Поря.

— Не может быть! — сказал Шарик.

— Тогда откуда же они взялись? — спросил Мишуня.

— Пришли! — донеслось откуда-то сверху.

Подняли друзья головы и дружно рассмеялись. Как же это они спутали ноги Лося с деревьями? Наверное, спросонок. Ну, конечно, спросонок, ведь спросонок и не такое еще бывает!

— Как спалось? — спросил лесной великан.— Комары не кусали?

Друзья хотели рассказать Лосю о ночном происшествии, но Лось сам заговорил снова:

— Я очень рад, что вы пришли в мой лес.

— Рады? — переспросил Мишуня.

— Я всегда рад храбрецам,— с достоинством ответил Лось.— И мне очень жаль, что вам надо идти дальше...

— А откуда вы знаете? — начал было Поря, но Лось не ответил.

— Вы пойдете прямо, все прямо, никуда не сворачивая...

— И там живут Деды Морозы? — спросил Шарик.

— Там живет мудрый Филин. Он вам скажет, куда идти.

И снова пошли друзья по лесу. Идут не торопясь: Поря и Мишуня ягоды собирают, а Шарик жуков ловит. И ягод и жуков тут оказалось видимо-невидимо, будто кто-то специально на пути друзей подкладывал их.

— Ой, что это? — вдруг крикнул Поря.

— А это что? — закричал Мишуня.

— Ух ты, что же это такое? — раздался из кустов голос Шарика.

Друзья заспешили друг другу навстречу, и каждый показал свою находку. Все три находки оказались одинаковыми, удивительно красивыми звездочками. Они так сверкали и переливались на солнце, что даже смотреть на них было больно. А уж красоты они были такой, что никогда в жизни не опишешь их словами.

— Вот это да! — только и сказал Мишуня.

— Ну и находка! — сказал Шарик.

— Вот повезло-то нам! — сказал радостно Поря.

— Нам-то повезло,— задумчиво проговорил Шарик,— а кому-то сейчас очень плохо.

— Кому? — спросил Мишуня.

— И почему? — спросил Поря.

— Тому, кто потерял эти штуки,— сказал Шарик,— вот, наверное, горюет он... А мы радуемся.

— Но мы же не виноваты, что он потерял, а мы нашли? — сказал Поря.

— Разве в этом дело, кто виноват? — покачал головой Шарик.

— Придумал! — вдруг закричал Мишуня.— Мы найдем того, кто потерял эти штучки, и отдадим ему их.

— Правильно! — обрадовался Поря, хотя ему очень нравилась эта звездочка и очень не хотелось расставаться с ней.

— А как мы найдем того, кто потерял? — спросил он.

Шарик предложил спрашивать всех встречных. Так и решили. Теперь они шли по лесу, уже не обращая внимания на ягоды и на жуков. И хотя ягод и жуков стало на их пути еще больше, хотя есть друзьям хотелось, они заняты были только одним: искали того, кто потерял эти звездочки. Но все звери и птицы отказывались взять находки: они говорили, что это не их вещи.

— Так чьи же они все-таки? — не выдержал Шарик.— Кто потерял звездочки? — крикнул он на весь лес.

И тут они увидали на ветке дерева Филина.

— Спасибо, что вы принесли эти звездочки, их как раз и не хватало.

— Для чего не хватало? — спросил Поря.

— Для того, чтоб всем хорошим людям, всем хорошим зверям и птицам раздать подарки,— ответил Филин.

— А кто их раздает? — быстро спросил Поря.

— Деды Морозы.

— А где они живут? — Это уже спросил Шарик.

Филин ничего не ответил, а только взмахнул крыльями и отлетел в сторону.

— Идите сюда,— позвал он.

Друзья подошли к Филину и вдруг увидали неподалеку хрустальный дворец.

— Вот тут и живут Деды Морозы.

— А можно нам туда? — закричал Поря.

— Нам очень нужно! — еще громче закричал Мишуня.

— Нам надо рассказать...

— Что вы не получаете на Новый год подарков? — перебил Филин.— Мне все известно. И я об этом расскажу главному Деду Морозу...

— Мы сами хотим рассказать! — крикнули хором друзья.

— К сожалению, Дедов Морозов сейчас нет дома,— ответил Филин.

— Как же так? Где же они? Ведь Новый год зимой, а сейчас...

— Чудаки вы,— засмеялся Филин,— это у нас Новый год наступает зимой, в ночь с 31 декабря на 1 января. Верно?

— Верно,— кивнул Поря, хотя никакого представления о декабре, январе, как, впрочем, и о других месяцах, не имел. Да и Мишуня и Шарик тоже знали лишь, что есть лето, зима, весна и осень. А про месяцы даже не слышали. Но они не стали расспрашивать Филина про месяцы: им очень хотелось узнать, куда же девались Деды Морозы.

— А есть немало стран,— продолжал Филин,— где Новый год наступает в другое время. И во всех этих странах живут дети, живут хорошие и добрые звери и птицы. И всюду надо принести на Новый год подарки. И всюду надо успеть. Вот и путешествуют Деды Морозы по всему земному шару. Не всюду называются они Дедами Морозами, но везде у них одна задача — радовать хороших людей и зверей.

— Значит, мы зря пришли? — грустно спросил Поря.

— Нет, не зря,— ответил серьезно Филин,— вы пришли и доказали, что вы справедливые, смелые, добрые и честные.

— Правда? — удивились друзья.

— А разве не вы отдали свою еду голодному Ослику?

— Они, они! — вдруг послышалось из-за кустов, и на дорожку выбежал Ослик.

— Разве не вы перенесли Лисенка через болото?

— Конечно, они! — тявкнул Лисенок, вылезая из-под куста.

— А разве не вы бросились ночью кого-то спасать?

— Они! — крикнул Заяц, выскакивая из канавки.— Они! Я их отговаривал, а они все равно...

— Ну, а разве не вы нашли в лесу звездочки, которые вам самим очень понравились, но все-таки решили их вернуть тому, кто потерял?

— Так, значит, это они вам все рассказали? — удивился Мишуня, глядя на Ослика, Зайца и Лисенка.

— Они, конечно. Ведь это мои друзья.

— А про подарки, которые мы не получаем?

— А это я! — послышалось сверху, и на ветку кустика прыгнула Сорока.— Я хотела, чтоб вы получили подарки, и вот прилетела.

— Но ведь надо было убедиться, что вы достойны их получить, правда? — спросил Филин.

— Надо, конечно,— согласился Шарик.

— Вот и устроили вам небольшие испытания. И вы их выдержали.

— Значит, мы достойны того, чтобы получать новогодние подарки от Деда Мороза? — спросил Поря.

— Вполне достойны! — ответил Филин.

— А когда? — хрюкнул Поря.

— И как? — добавил Мишуня.

— А вот об этом надо посоветоваться с Дедами Морозами. Конечно, подарки вы получите. Но и спать в Новый год должны Мишуня и Шарик. Вот мы и посоветуемся с Дедом Морозом, как быть с вами. И что-нибудь придумаем. Обязательно!

А может быть, и ребята, те, кто прочитает эту сказку, посоветуют нам, как быть?..

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663